

Искусство памяти (конец второй и третья часть): «О прилагательных», «Об инструменте», «Третья часть»

Джордано Бруно

Аннотация: «Искусство памяти» (“Ars memoriae” является заключительной частью трактата Джордано Бруно «О тенях идей» («De umbris idearum»). Сочинение «О тенях идей» и начало «Искусства памяти» (раздел «О субъектах» (De subjectis)) были опубликованы нами в этом же журнале. В предлагаемом читателю первом переводе на русский язык мы постарались учесть предыдущие ошибки (например, слово *subjectum* ранее было переведено как «предмет», сейчас же мы переводим его собственно как «субъект»). Во вступительной статье мы постарались дать свое, пока еще приблизительное, понимание текста Бруно. Если говорить вкратце, то мы имеем дело с мнемоническим трактатом, основывающимся на какой-то более глубокой философии (трактат «О тенях идей»). Перевод с латинского выполнен нами по изданию Салватора Тугини (Берлин, 1868).

Ключевые слова: Джордано Бруно, субъект, прилагательное, прилагательное, мнемотехника, метод локусов, метод локи, дворец памяти.

В настоящей публикации мы приводим наш перевод конца второй части и третью часть раздела «Искусство памяти» (Ars memoriae) трактата Джордано Бруно «О тенях идей» (De umbris idearum). Предыдущие части «О тенях идей» были опубликованы нами ранее в этом же журнале¹.

«Искусство памяти» рассматривается как часть трактата «О тенях идей» и они традиционно публикуются под одной обложкой начиная с прижизненного парижского издания 1582 г.², хотя есть все основания рассматривать их как два отдельных трактата: они связаны общей темой, «Искусство памяти» продолжает «О тенях идей», но, во-первых, они сильно дистанцированы по смыслу: «О тенях идей» повествует о феномене «тени», глубоко теоретичен, поэтому его можно считать весьма отвлеченными пролегоменами к «Искусству памяти», в то время как второе дает уже вполне конкретные знания и навыки этого искусства.

Мы постарались сделать настоящую вступительную статью как можно более краткой (учитывая размер всей публикации), но в то же время способствующей пониманию смысла текста.

¹ Бруно, Джордано. О тенях идей / Перев. с лат. Л. И. Титлина // Vox. Философский журнал. 2016. Вып. 21. С. 1–27. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2021/Vox21-BrunoG.pdf> (дата обращения: 01.11.2023). Бруно, Джордано. Искусство памяти / Перев. с лат. Л. И. Титлина // Vox. Философский журнал. 2017. Вып. 23. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2023/Vox23-Bruno-Titlin.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).

² De Umbris idearum etc. etc. Parisiis, apud AE. Gorbinum etc. Paris, 1582.

Перевод выполнен нами с издания С. Тугини³. Из того же издания взяты и приводимые нами оригинальные иллюстрации к тексту. При переводе использовалось также оцифрованное издание Д. Морано⁴.

Существует перевод текста на итальянский язык с исследованием⁵ и единственный английский перевод этого текста⁶.

Мы бы не сказали, что для понимания приводимого в данной статье отрывка непременно необходимо ознакомление с двумя предыдущими нашими публикациями или знание смысла двух предыдущих частей этого составного текста.

Сформулируем вопрос наиболее общо: о чем этот текст?

Этот текст посвящен так называемому «искусству памяти». Иначе говоря, он относится к области мнемотехнической науки (куда относить мнемотехнику, к философии или к психологии, сейчас мы размышлять не будем). Считал ли Бруно, что по его тексту можно научиться искусству припоминания, иначе говоря, желал ли Бруно в действительности научить кого-либо искусству припоминания через переводимый нами текст, да и вообще — владел ли сам этим искусством? Вопросы весьма интересные, но в данной публикации мы предпочтем оставить их за скобками.

Бесспорно, Бруно опирается в этом тексте на достаточно хорошо известное с античности искусство мнемотехники (явным образом, однако, он на него не ссылается), продолженное, хоть и весьма своеобразно, средневековыми авторами, прежде всего Фомой Аквинским.

Цицерон упоминает об искусстве памяти в сочинении «Об ораторе» (Книга II, 351–354). Искусство памяти обсуждается в трактате «Риторика для Геренния», приписываемом Цицерону (*Rhetorica ad Herennium* 3.16–24), подробно рассматривается во II главе («О памяти») XI книги «Риторических наставлений» Квинтилиана.

Эта мнемотехника известна сейчас под названием «метода локусов», «метода локи» (ох уж это новое старое «античное» произношение!), «дворца памяти» (при поиске на английском языке стоит забивать в поисковую строку «*method of loci*»). По вопросу применения метода в современных обстоятельствах можно найти массу публикаций в интернете. Метод локусов использовался в том числе Домиником О’Брайеном, девятикратным чемпионом мира по мемориальному спорту, в его разработанном им самим методе.

О технике вкратце: у нас есть некоторый набор уже выученных, запомненных, хорошо известных «локусов» (иначе говоря, просто «мест»), которые мы в данной статье научнообразно именуем «реперными точками» — нам кажется, так становится понятнее, — к каждому из этих локусов мы можем прикрепить, как к якорю, то, что мы бы хотели запомнить. Количество локусов ограничено и помещается, в свою очередь, тоже

³ Jordanus Bruno Nalanus. *De umbris idearum*. Editio nova. Curavit Salvator Tugini. Berolini, 1868. Apud E.S. Mittlerum & filium, bibliopolas curiae regalis.

⁴ Bruno, Giordano, 1548–1600. *Ars Memoriae (The Art of Memory)* / F. Tocco et al., eds., *Jordani Brunii Nolani opera latine conscripta publicis sumptibus edita*. Neapoli: D. Morano, 1879–91. URL: <http://www.esotericarchives.com/bruno/arsmemor.htm> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Bruno, Giordano. *Opere Mnemotecniche I* / directed by M. Ciliberto, edited by M. Matteoli, R. Sturlese, N. Tirinnanzi, Adelphi, Milano, 2009.

⁶ Bruno, Giordano. *De Umbris Idearum: On the Shadows of Ideas*. Tr. Scott Gosnell, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013.

в каком-то месте — именно поэтому технику именуют также «дворцом памяти». Для начального использования лучше всего подойдет собственная квартира или дом — иначе говоря, место, которое хорошо известно. Нужно еще раз его основательно изучить и составить неизменный маршрут, по которому вы сможете двигаться из любой точки в любом направлении, обходя этот «дворец» уже внутри себя, для того, чтобы припомнить некий перечень объектов. Например, в самом примитивном случае, вам надо запомнить список покупок в супермаркете. Так, вы обходите свою квартиру, и «прицепляете» к каждому важному объекту (в случае с трактатом Бруно, по-видимому, к «субъекту») некий предмет (у Бруно это будет «прилагаемое»), который нужно приобрести в супермаркете. Например, вы входите в квартиру, в прихожей стоит вешалка, на нее вы «навешиваете» пакет молока, который на ней «весело качается». Заходите в комнату, первое, что вы видите — сливки, которые растеклись по новому совсем недавно пропылесосенному тяжело! дивану. Ваше место за рабочим столом занял важный кочан капусты, а на кровати «отдыхает» «вылезшая» из пакета томатная паста. Таким образом, вы обходите всю квартиру и составляете неизменный маршрут, причем чем абсурднее будет связь «локусов» с предметами запоминания — тем лучше, легче будет их припомнить: например, сосиски, «повесившиеся» на крюке от люстры в гостиной.

Переводимый нами отрывок делится на несколько разделов: «О прилагаемых» (*De adjectis*), «Об инструменте» (*De organo*), «Часть третья» (*Tertia pars*), которая, в свою очередь, состоит из подразделов: «Первая практика, которая [является практикой] слов. О закреплении колес», в которой говорится о неподвижных колесах, «О движении колес», «Вторая практика, которая состоит в любых составлениях из многих комбинаций элементов и простых терминов», «Изображения образов» и, наконец, три «наглядных представления» (*paradigma*), которые приводят примеры использования этого искусства (мы опускаем здесь более мелкие подразделы).

Первая часть переводимого текста озаглавлена «О прилагаемых» (можно также перевести «О прилагательных») — *De adjectis*. В ней содержатся самые общие сведения о том, что может «прикладываться» к «субъектам» (т. е. к «локусам»), о которых идет речь в предыдущей части трактата, *De subjectis* (см. нашу вторую публикацию от 2016 г.). То, что мы всюду перевели как «прилагаемые» (у нас были варианты: оставить просто буквальный перевод — «адъекты», как противоположность «субъектам» или перевести как «прилагательные»), у Бруно называется по-разному: *adjecta*, *adjacentia*, *adjicienda*, *adjectiva*, но, по-видимому, обозначает одно и то же. Для того чтобы понять, что же такое «прилагаемые», необходимо понять, что же такое «субъекты». Для этого мы заглянули в предыдущую часть нашего перевода (публикация 2016 г.). В нашем переводе предыдущей части трактата мы перевели *subjectum* как «предмет», в то время как в действительности это «субъект» в собственном смысле этого слова. То, что это «субъект», к которому присоединяются «прилагаемые», ясно из многочисленных отрывков предыдущей части, например: «Рассмотренное выше измерение должно быть соотнесено с древними, и оно со своей стороны должно учитывать те формы или то приложенное, что чаще всего бывает соединено с предметами (т. е. субъектами. — Л. Т.)»⁷.

⁷ Quod ad mensuram superius consideratum est referendum cum antiquis, quæ quidem respicit formas seu adiecta illa, quæ frequentissime subiectis committi assolent. Цит. по: URL: <http://www.esotericarchives.com/bruno/arsmemor.htm> De subjectis. VII. (дата обращения: 01.11.2023).

Часть, начинающаяся со страницы 86 по изданию Тугини, озаглавлена *De organo*. Исходя из имеющихся у нас данных, этот заголовок следует переводить «Об инструменте». Под «инструментом», или «органом», Бруно, как мы считаем, понимает то, что мы могли бы назвать «механизмом», предназначенным для запоминания вещей. Он состоит, собственно, из колес⁸, которые приводятся в качестве иллюстраций к его трактату.

Рис. 1 демонстрирует принцип запоминания: в центре расположена заглавная буква А (латинская), вокруг которой размещен полный латинский алфавит заглавными буквами (заканчивающийся на X, Y, Z, исключая J и U, вместо которых помещены, соответственно, I и V, и включая K, т. е. 23 буквы вместо привычных 24), греческие заглавные Ψ (пси), Φ (фи), Ω (омега), Θ (тета), буквы иврита ו (аин), ז (цади) и ש (шин) — именно в таком, неалфавитном, порядке, т. е. всего 30 букв. Как мы предполагаем, центральная заглавная А латинская здесь репрезентирует субъект (вообще), а буквы вокруг нее — «прилагаемые», т. е. А здесь выступает в качестве локуса, а буквы вокруг нее — в качестве того, что необходимо запомнить и с этой целью может быть помещено в локус; все вместе это должно как бы представлять схему органа или механизма запоминания.

Приведем здесь отрывок из нашего перевода: «Подобно тому как элементы, если их бесчисленное количество, могут отражаться именно в этой гласной [букве], находящейся в центре круга (не исключая того, что единичные из них могут сохранять разнообразие), все подчиняются модусу этой гласной, но не происходит так, что через приложение гласной слегка ограничивается отличие этой сущности от других, чтобы через это отличие можно было бы больше проникать именно в эту [гласную букву]. Так и через многие приложенные инструменты одного бестелесного производятся различные звуки в соответствии с их собственным смыслом (*ratio*)»⁹.

Из цитаты ясно, что количество «прилагаемых» не ограничивается 30 и может быть бесконечным. Однако все они относятся к одному локусу. В нашем тексте Бруно часто называет прилагаемые элементами¹⁰, обозначая их исходя из механического устройства своего искусства памяти.

Далее. Пункт II «Первой практики, называемой о закреплении колес»¹¹ указывает нам, что заглавная латинская А может соответствовать греческой α (альфе), еврейской א (алеф), В — греческой β (бете), еврейской ב (бет), — «Итак, один простой [элемент] из элементарных употребляется для [всех] трех языков и для тех, которые им подчинены»¹². Таким образом, по-видимому, может достигаться бесконечное разнообразие прилагаемых, как указано в цитате выше.

Рис. 3 демонстрирует нам два неподвижных колеса, в которых каждому элементу из 30 букв алфавита соответствует ровно такой же элемент. Бруно расшифровывает их следующим образом:

- Ликаон к пиршеству АА,
- Девкалион к камням ВВ,

⁸ Мы полагаем, что систему колес Бруно, возможно, позаимствовал у Р. Луллия.

⁹ См.: Jordanus Bruno Nalanus. *De umbris idearum*. Editio nova. Curavit Salvator Tugini. Berolini, 1868. Apud E.S. Mittlerum & filium, bibliopolas curiae regalis., p. 100. (Далее: Tugini, p.)

¹⁰ И это не случайно. Исследователи считают, что, весьма вероятно, латинское слово *elementum* произошло из последовательности латинских букв алфавита l, m, n и изначально обозначало буквы.

¹¹ Tugini, p. 107.

¹² Tugini, p. 107.

— Аполлон к Пифону *CC*,

— Аргус к корове *DD*,

причем, как он сам пишет, разделяет их на «действующие» (*agentes*, слева) и «действия» (*actiones*, справа).

Здесь, очевидно, имеется прямое соответствие между мифологическими субъектами (*Ликаон*, *Девкалион*) и прилагаемыми (*пиршество*, *камни*, *Пифон* и т. д.)¹³. Как пишет Бруно, внешнее колесо при этом обозначает людей (субъектов), а внутреннее — «определенные действия», т. е. прилагаемые. Таким образом, имеется строгая фиксация субъекта и прилагаемого посредством уже имеющейся мифологической связи — их оказывается очень легко запомнить.

На рис. 4 изображены уже три неподвижных колеса, в которых по-прежнему каждый элемент соответствует другому такому же элементу.

«Там внешнее [колесо] обозначает людей, среднее — присущие [им] действия, внутреннее же — признаки (яркие свойства. — Л. Т.) следующим образом:

<i>A</i> Ликаон	<i>A</i> к пиршеству	<i>A</i> в цепях
<i>B</i> Девкалион	<i>B</i> к камням	<i>B</i> со священными повязками
<i>C</i> Аполлон	<i>C</i> к Пифону	<i>C</i> с перевязью».

Здесь уже имеется три элемента: субъекты, действия и яркие свойства (признаки), причем мы в наших современных реалиях уже зачастую не можем определить значение последних.

Мы видим, что Бруно допускал «нанизывание» нескольких элементов на один субъект (видимо, именно это имелось в виду выше, когда шла речь о добавлении к заглавной латинской *A* греческой α (альфы) и еврейской \aleph (алеф). Насколько такая практика «нанизывания» на один субъект нескольких предметов, подлежащих запоминанию, практиковалась в античном методе «локусов», нам неизвестно. Это отдельный предмет исследования.

В следующей части книги Бруно рассказывает уже о движущихся колесах. Здесь он говорит о том, что мы можем поворачивать эти колеса и получать уже соответственно элементы типа *AB*, т. е., например, «Ликаон к камням».

Далее Бруно говорит о том, что возможны комбинации также и из четырех и пяти или более элементов, но для этого не нужны уже четвертые и пятые колеса (он указывает на то, что обычный человек вряд ли владеет более чем тремя алфавитами), т. е. можно просто к комбинации из трех букв произвольно добавить любую четвертую или пятую, причем предлагает для этой цели использовать уже наличные слова языка, например: *MENS*, *TRUNCUS*, *PERMAGNUS*¹⁴ и т. п.

В разделе VI «Второй практики, которая состоит в любых составлениях из многих комбинаций элементов и простых терминов» Бруно предлагает применять уже пять фиксированных колес: «Итак, сделай по подобию трех ранее названных колес пять фиксированных колес, из которых отдельные сто пятьдесят состоят из комбинаций двух элементов. Из которых внешнее и первое [колесо] обозначало бы действующие под именем придуманных (*inventum*), второе — действия, третье — признаки, четвертое — стоящие

¹³ Субъекты с прилагаемыми здесь напрямую соотнесены в соответствии с мифами: так, например, Ликаон убил своего сына и предложил его на пиру Зевсу в качестве угощения.

¹⁴ В переводе с латинского «ум», «ствол», «огромный» соответственно.

рядом, пятое — стоящие вокруг»¹⁵. В них, соответственно, первое внешнее колесо — это люди, второе — действия, третье — характерные признаки (как мы видели ранее), и далее, как сказано в цитате.

Далее идет несколько своеобразных таблиц, в которых сначала есть два элемента, например:

AA Регима к хлебу из каштанов 1,
AE Осирис к земледелию 2,

которые обозначены, соответственно, двумя латинскими заглавными буквами слева и арабской цифрой справа, их, как и ожидается, 150.

После идет таблица, в которой один элемент обозначается сочетанием двух латинских заглавных букв слева и арабской цифрой справа, например:

AA запутанное 1,
AE ложное 2,
AI темное 3,

причем первый элемент всегда заглавная латинская А, а второй элемент повторяется по схеме: А, Е, I, О, U.

Таких элементов также 150.

Следующая таблица обозначает элементы строчными латинскими буквами, например:

aa Олива 1,
ae Лавр 2,
ai Мирт 3,
ao Розмарин 4,
au Кипарис 5,

причем первый элемент всегда строчная латинская а, а второй элемент повторяется по схеме: а, е, і, о, и.

Таких элементов также, как и ожидается, 150, причем элементы списка с 56-й по 85-й номер имеют подзаголовки «Подходящие для шеи» (*Collo aptabilia*), с 86-го по 150-й — «Подходящие для ног» (*Ad pedes aptabilia*).

Если начальные элементы в разделе «подходящих для шеи» действительно можно связать с шей (см. ниже) — ожерелье, шкуры, даже змею — она может обнимать чью-либо шею, — то последующие вообще с шей не связаны — кошелек, опахало, скипетр, плеть.

aa ожерелье 56
ae змея 57
ai шкура ягненка 58
ao шкура лисы 59
au горло 60

aa ярмо 71
ae кошелек 72
ai опахало 73

¹⁵ Tugini, p. 124.

ао скипетр	74
аи плеть	75

Среди «подходящих для ног», кажется, нет ничего, подходящего для ног в прямом смысле.

Подходящие для ног:

аа скорпион	86,
ае собака	87,
аі пещера	88,
ао гусь	89,
аи алтарь	90.

После этого идет раздел с перечислением 12 знаков зодиака (в парижском издании также и их изображения, у Тугини они опущены), под названием каждого знака зодиака приводится три пункта, список имеет сквозную нумерацию от Аа, Ае, Аі под первым знаком зодиака, далее Ао, Аи, Ва во втором, и так далее соответственно, вплоть до Го, Ги и На.

Мы можем предположить, что здесь каждый из 12 знаков является субъектом (в силу их большого своеобразия), к которому прилагаются по три набора возможных «прилагаемых».

ОВЕН

Аа. Восходит в первом образе Овна черный человек огромного роста, с горящими глазами, страшный лицом, облаченный в белый плащ.

Ае. Во втором — женщина весьма привлекательная, одетая в белую тунику, а поверх в одежду, окрашенную в пурпур, с распущенными волосами и увенчанная лавром.

Аі. В третьем — бледный человек с рыжими волосами, одетый в красные одежды, на левой руке носящий золотой браслет и в правой руке имеющий дубовый посох, с беспокойным и гневным лицом по причине того, что не может обрести или даровать желанные блага¹⁶.

Если исходить из отрывка выше, то получается, что к «Овну» как субъекту не относится фиксированное количество прилагаемых, т. е. внутренних колес, как мы видели выше. Так, например, пункт Аа можно расценить как имеющий четыре подпункта, в то время как пункт Аі можно расценивать как имеющий пять подпунктов (все эти подпункты представляются достаточно подвижными).

В то же время можно рассматривать каждый знак зодиака как описываемый тремя пунктами, например, а, е, і, т. е. лишь субъект, к которому только возможно прибавить какие-либо прилагаемые, например, из списка выше, тогда получится: Овен, держащий [ветку] оливы (а 1), лавра (е 2), мирта (і 3), розмарина (о 4), кипариса (и 5).

Однако Бруно напрямую об этом не говорит, и это остается не более чем нашими предположениями. Вместе с тем практически не подлежит сомнению, что знаки зодиака, такие как Овен и т. д., являются весьма яркими внутренними изображениями, к тому же

¹⁶ Эти списки из трех, в которых элементы обозначены от Аа, Ае, Аі, Ао, Аи, Ва, Ве, Ві, Во, Ви и так далее соответственно, вплоть до Га, Ге, Ги, Го, Гу и На, хотя и имеют сходные обозначения, судя по всему, не соотносятся со списками выше.

имеющими фиксированный порядок следования, поэтому, наиболее вероятно, Бруно предполагал использовать их в качестве субъектов.

Бруно подтверждает наше предположение в следующем разделе, который носит заглавие «Внешний вид и действие вышеприведенных образов, пусть и не способствующие искусству памяти, однако наполняющие смыслом эти образы». В нем каждый из знаков зодиака разбит снова на три раздела, характеризующие каким-то образом этот знак.

Однако мы вновь сталкиваемся с трудностью. Возьмем хотя бы IV знак — знак Рака. Что мы видим?

Первый раздел:

Ви. В первом образе Рака дева в венке, весьма хорошо одетая, держащая оливковую ветвь в правой руке и фиал в левой.

Са. Во втором — муж вместе с женой, сидящие за столом и играющие, перед мужчиной находится разнообразное платье, перед женщиной — золотые и серебряные сосуды.

Се. В третьем — муж-охотник, впереди и позади которого собаки, имеющий рог и ядро, стремительно движущийся по кругу.

Описания из следующего раздела:

Первый [образ] Рака — утонченный в созерцании, неусыпных способностях и обращенному к любви желанию.

Второй — умеренный в способностях, [но] имеющий большой успех.

Третий — много торгующий и мало одаривающий по причине больших препятствий.

Если первые два описания еще можно с натяжкой объяснить исходя из того, что сказано в первом разделе, то третье описание вовсе не сходится с тем, что сказано в третьем пункте первого раздела. То же самое можно сказать и обо всех знаках зодиака.

Далее мы видим списки образов семи признанных астрологией планет¹⁷: 1) Сатурна, 2) Юпитера, 3) Марса, 4) Солнца, 5) Венеры, 6) Меркурия, 7) Луны), причем для каждой планеты приводится по семь образов.

После этого Бруно приводит список из 28 образов Луны (имеется в виду 28 лунных дней, или 28 местопребываний Луны на небосводе).

Здесь, кажется, все очевидно: Бруно дает нам хорошие примеры субъектов для запоминания: 12 знаков зодиака, семь планет, 28 стоянок Луны, как он сам пишет: «не оставляй без внимания то, что ты должен выбирать [в качестве субъектов] не абстрактные, но словно зафиксированные способностью воображения образы».

После некоторого количества теоретических выкладок (р. 157–166 по изданию Тугини) Бруно приводит три «Иносказания», иначе говоря, три практических примера, демонстрирующие, как можно на практике применять искусство памяти, связывая в цепочки определенные яркие образы («субъекты»), к которым уже будут присоединяться определенные «прилагаемые». На этом работа Бруно завершается.

Л.И. Титлин,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Института философии РАН

¹⁷ В заголовке «Далее следуют семь образов Сатурна из философии египтян и персов, которые также могут оказаться полезны для локусов и субъектов», есть прямая отсылка к древнему методу «локусов».

О ПРИЛАГАЕМЫХ¹⁸

I

Прилагаемое же, или в данном случае форма, определяется как приложенное к субъекту или физическому, или искусственному, или воображаемому [т. е. приложенное] к чему-то через сложный аппарат [способности] мышления благодаря представлению, изображению, отмечанию или указанию для отображения или обозначения подобия картины или записи. Это соображение относится к общим формам, прошедшим с древности вплоть до нашего времени. Действительно, форма, как можно узнать из источника «Великого ключа», есть извлеченный и изложенный порядок познаваемых видов, выстроенный в [качестве] статуй, или микрокосма, или вообще любой архитектуры, по отношению к как угодно называемому внутреннему хаосу¹⁹, который должен быть отмечен или изображен в соответствии с начертаниями воображаемого, допускающего любые превращения. Ее (формы. — Л. Т.) изображение не [только] в качестве того, что здесь должно быть продемонстрировано, но и в качестве того, что здесь должно быть исследовано, прикладываем²⁰.

II

Там есть хаос, не исключаящий порядок и последовательность в своей первоначальной природе первоначал и чисел, хотя не только само бесформенное в качестве оформленного необходимо познавать, но также его должно постигать как оформленное в надлежащем порядке. Есть, как видишь, [некое] упорядоченное благодаря различным несходствам в себе и своих частях, которые могут принимать различные формы в каждом образе; и, пока оно является оформляющим, оно обозначается буквой А [и] бегают туда-сюда по бесформенным окружностям и полудиаметрам чисел и букв. Оно само один образ в виде Стрельца запечатлевает, другой в виде Тельца, прочие также в виде всех остальных [знаков зодиака], один в виде Стрельца, идущего назад вместе с Сатурном, другой [в виде Стрельца], возвращающегося вместе с Марсом, третий вместе с тем и другим, четвертый без обоих. Откуда вплоть до бесконечности и сами числа, и сами буквы, или сами приводящие в движение и превращающие, различным образом отображенные, могут принимать все новые и новые формы. Это есть то, что придает форму бесформенному хаосу; [даже] если бы ты сопоставил их, придающих форму, с теми, которые облачены в разные формы, или [же сопоставил] с ними, оформленными, разные и различные, придающие форму, — для [нашего] рассмотрения это не имеет значения. Однако все же то, что пребывает и существует неподвижно, этому правилу, которому подчиняется и которым оформляется, пожалуй, принадлежит, как женщина мужчине, и, будучи совершенно бесформенным, способно

¹⁸ В итальянском переводе — — *le immagini aggiunte* — добавленные изображения. — Ciliberto, p. 167.

¹⁹ По-видимому, имеется в виду внутренний хаос, который необходимо упорядочить в виде статуй и т. п. для припоминания.

²⁰ Это изображение отсутствует. — Тугини.

принимать отовсюду любые формы. По общему мнению, более совершенным был бы хаос, если бы он состоял из неупорядоченного и гетерогенного, но, если бы он был таким, он бы не был пригоден ни к какому использованию. Ведь необходимо для целей припоминания, чтобы числа и буквы были расположены в некотором порядке, благодаря которому они, при приближении приводящих в движение и оформляющих, могли бы быть обращены также на другие формы, которые необходимо запомнить. Они ведь, как видишь, расположены в надлежащем порядке так, что они и не в том же полудиаметре, и не в той же окружности иногда могут оказаться, идет ли речь о букве или числе. Наиболее совершенные и большая часть прочих через это изображение могут быть исследованы, но здесь мы вовсе не будем заниматься данным вопросом. Но относительно этого [изображения], которое я рассматриваю в соответствии с этим планом, я не принимаю решение, но только утверждаю. Скажу, пожалуй, только, что, если весьма внимательно его рассмотришь, учитывая приведенные здесь соображения, то сможешь достичь столь хорошо отображающего искусства, каковое удивительным образом будет полезно и поспособствует не только памяти, но и всем прочим способностям души.

III

Итак, первое и то, что необходимо отметить относительно прилагаемых, это то, что их основание находится между увеличением и уменьшением, усилением и ослаблением, прошлым и будущим, удалением и приближением, и что оно соотносено со всем человеком или его половиной, с временем предполагаемым и настоящим, в котором должна находиться память.

IV

Из них одни одушевленные, и они встречаются вместе как орудия и производящие²¹, или как находящиеся рядом, и то, что производится ими (*opera*); другие являются неодушевленными, и такие встречаются вместе как находящиеся рядом инструменты и относящиеся к ним производимые. Из одушевленных же одни причастны разуму (*ratio*), и они способны к любому действию и претерпеванию, или могут не быть ни в том, ни в другом состоянии. Другие лишены разума, и с первыми, что довольно очевидно, в общем-то говоря, мало сочетаются.

V

Также из них некоторые являются природными, некоторые искусственными, некоторые от внешнего чувства проникают к внутреннему, некоторые формируются в самом внутреннем чувстве, их виды — форма, подобие, образ, фигура, копия, отпечаток и знак в соответствии с тем, что было формально обозначено, что было рассмотрено в «Великом ключе» и широко обнародовано.

²¹ Здесь имеется в виду разделение на действующее само по себе и орудие действия (инструмент).

VI

Что касается их величины, этому условию (*условию величины*. — Л. Т.) соответствует, что прилагаемые соразмерны субъектам (*subjectum*), так как они действительно в природе вещей²²; в противном случае легко утратились бы и притупили или разделили бы способность воображения (*visum phantasiae*) [на части]²³. Действительно, текст, написанный маленькими буквами (*microgramma*) на большой странице, требует слишком продолжительного [и] тщательного рассмотрения, и [в этом случае оказывается] тяжело найти искомое²⁴. Также и дерево, наполняющее своей массой пространство и вздымающееся вверх, не отбрасывает ясно [очерченной] тени²⁵. Для них (*т. е. прилагаемых*. — Л. Т.) нам весьма подходит усердие некоторых мастеров, которые, когда (*ubi*) некоторые небольшие и от взора воображения (*visum phantasiae*) ускользающие себя предлагают субъектам для приложения, [мастера] прибавляют другому прилагаемому (*adjectivum*) ту форму, с которой обыкновенно оно (*т. е. прилагаемое*. — Л. Т.) находится рядом и которую сопровождает. Приносит для них (*прилагаемых*. — Л. Т.) стрелец стрелу, писец — калам²⁶, сапожник — иглу. Такая помощь находится в связи, соединении, предшествовании, сопровождении и следовании, чтобы невидимое производило бы видимое, познаваемое в целом (*per univsum*) чувственное, а также трудновоспринимаемое чувство легко воспринималось бы (*persentita*²⁷).

VII

Что касается качества, пусть [прилагаемые] будут яркими, пусть будут такими, которые поражают воображение и мышление, поскольку такие, которые приносят нечто с собой для воспроизведения, [пусть будут] вызывать страх, будут приятны, грустны, благожелательны, враждебны, отвратительны, возможны, удивительны, необыкновенны, в отношении них пусть будут возможны надежда или сомнение, и пусть они мощно врываются во всех отношениях в наиболее внутренние аффекты. По этой причине остерегайся, чтобы не заблудиться, менее трезво постигая способ нашего восприятия, когда среди видов прилагаемых перечисляем знаки, обозначения, отпечатки и печати; потому что ведь их все эти ты сможешь соизмерять через те, которые только что названы, относящиеся к количеству, и взгляд рассмотрения должен быть зафиксирован на том, что предлагается

²² Т. е. являясь вещами, имеют размер.

²³ Здесь автор имеет в виду, что если бы объект фантазии был бы слишком большим, она не смогла бы его охватить и как бы вынуждена была «разделиться на части».

²⁴ Здесь в роли субъекта выступает страница, а в роли прилагаемого (прилагаемых) — маленькие буквы.

²⁵ Т. е. чем выше и больше дерево по сравнению с наблюдателем, тем более неясной является тень. — Прим. пер.

²⁶ Палочку для письма. — Прим. пер.

²⁷ Согласно Персею,

https://www.perseus.tufts.edu/hopper/searchresults?target=la&all_words=sentita&phrase=&any_words=&exclude_words=&documents=, *sentita* встречается в одном тексте XIV в. и в одном тексте XV в. Словари классической латыни такой формы не приводят. *Persentita* (вместо *persensa*(?)), по-видимому, является неправильной формой от глагола *persentio* — «ясно видеть».

в «Великом ключе» для рассмотрения: поскольку от чувств и воображения, никаким образом, кроме как через способность мышления, к [способности] припоминания не может быть открыт вход.

VIII

Что касается отношения, дело обстоит так, что прилагаемые к субъектам прилагаются не произвольно; напротив, их нужно сопоставлять взаимно одни с другими так и настолько связанными, как постигнутые с постигающими, особенные одеяния с одеваемыми, защищенные с защищающими, чтобы они вообще не могли бы быть приведены в смятение и разъединены. Их необходимо сопоставить по всем частям, сопоставить со всеми частями как способствующие или неспособствующие [искусству памяти], как упорядоченные или неупорядоченные, противоречащие или согласующиеся, и в целом — чтобы представление об одном соединилось с представлением о другом. Ведь кто мог бы постичь [такое] прилагаемое, как «царское достоинство», отделенное от субъекта,? Итак, прилагаемые необходимо постигать одновременно с субъектами, и они будут обнаруживаться словно вырезанные на камнях буквы²⁸, а не словно сметаемые ветром - улетят или перемешаются, как бывает с фигурами, которые изображены²⁹ и начертаны на песке.

IX

Также необходимо понимать, что прилагаемые к субъектам (*in subjecta*) и в субъектах действуют, или претерпевают от субъектов или в субъектах. Некоторые [субъекты], я говорю, считается, что оживляются³⁰ [в памяти] действием или претерпеванием, поскольку некоторым движением внутреннее воображение (*visum*), словно усыпленное, некоторым побуждением, пожалуй, оживляют: блужданием, пересечением, приближением, приходом, уходом, восхождением, нисхождением, идя навстречу, избеганием, покиданием, которым нечто могут побуждать, толкать, понуждать, прогонять, разделять, поворачивать, отвергать, сдерживать, разгонять, отбрасывать, оборачивать вспять, низвергать, валить, разрушать, воздвигать, поднимать, искоренять, разделять, истреблять, устранять, исключать, уничтожать, истощать. Указанное выше делает не так, чтобы прилагаемые не были присоединены и прикреплены к субъектам, но, [напротив], чтобы лучше и более были зафиксированы; способность пребывания и закрепления ведь состоит и находится в самом движении. Итак, поэтому не теряй надежды на то, что [субъекты] закрепятся, ведь и непрерывное движение не лишено своей устойчивости, благодаря которой оно происходит непрерывно, как и переменчивую судьбу поэт имеет обыкновение именовать не поддающейся изменению. Впрочем, в разнообразии, количестве, быстроте и медлительности

²⁸ Очевидно, это аллюзия на скрижали Моисея.

²⁹ В тексте — *effinctis*, что можно трактовать и как «изображены», и как «стерты» (имеется в виду ветром).

³⁰ В тексте — *vivificata* — *part. perf. pass.* от глагола *vivifico* (букв. «делать живым» — от *facio vivum*) — «оживлять», «воскрешать» *med.-pass.* — «воскресать». Этот позднелатинский глагол принадлежит латыни Вульгаты и церковной латыни и не встречается у классических авторов, что свидетельствует о том, что Бруно, несмотря на все попытки возрожденческих авторов писать на классической латыни, а также о том, что, как считается, Бруно писал на достаточно классическом языке, все же использует весьма поздний вариант латинского языка.

необходимо соблюдать меру, [но] и [сами субъекты] не должны быть лишены условий, способствующих качеству прилагаемых.

X

Как в случае с субъектами, так и в случае с прилагаемыми необходимо избегать однообразия. Ибо, насколько возможно, из вышесказанного можно понять, что природе созвучно разнообразие. Отсюда и цитата: «Из-за такого разнообразия природа и прекрасна»³¹.

Можно ведь те же прилагаемые, которые тесно связаны благодаря различным действиям и находятся в соответствии с различными видами внешнего облика, прилагать к различным субъектам: но это [надлежит делать] в [случае с субъектами], находящимися вне поля зрения³², и даже после того, как многие [прилагаемые] были добавлены — в [случае с субъектами], находящимися далеко.

XI

Также прилагаемые имеют то общее с субъектами, что, когда они сочетаются с ними, и когда весьма необходимо, чтобы они следовали за различием субъектов, чтобы те из них, которые относятся к одному субъекту, не охватывали те, которые относятся к другому, и избегали бы всякой непрерывности, сочетания, сосредоточения и смешения [с этим субъектом]. Ведь тщетно к своим услугам будешь призывать прилагаемые к различным субъектам, [которые] допускают взаимодействие и взаимное движение и заняты другой деятельностью, словно руки, оплодотворяющие сами себя³³.

ОБ ИНСТРУМЕНТЕ³⁴

I

Остается внести определенность относительно инструмента, которым по замыслу (*in proposito*) пользуется душа. Ведь действующему для полного познания формы, которая должна быть придана, недостаточно принимать во внимание субъект, который должен быть представлен, но также, когда удобство дела требует, не стоит упускать то, что по своей сути является средством движения от действующего (*agens*) к субъекту формы, а также каким оно должно быть, и каким образом его можно достичь.

³¹ Цитата на итальянском языке: «Per tanto variar natura è bella».

³² В оригинале — *seposita* (*subjecta*).

³³ Иначе говоря, здесь Бруно настаивает, чтобы каждое прилагаемое прилагалось исключительно к своему субъекту.

³⁴ В оригинале — *organum*.

II

[Субъект и прилагаемое] соединяются в то, что необходимо заново воскресить в памяти: предшествующий [акт] внимания, благодаря которому, во-первых, из того, что, двигаясь, отделяется от объекта, возникает некое внешнее или внутреннее чувство, которое вызывает воображение, в котором возбужденное чувство уже опосредовано или непосредственно стимулирует воображение; пассивное движение воображения, благодаря которому оно побуждается к исследованию; активное движение воображения, благодаря которому оно занимается исследованием; исследование, благодаря которому внимательное воображение исследует; образ, а именно изображение, которое необходимо припомнить; представление образа, а именно способ, благодаря которому [изображение], которое необходимо припомнить, создается, когда другие [впечатления] отсутствуют; демонстрация той внимательности, благодаря которой, очевидно, возникают та актуальная внимательность, и исследование причин (*judicatio*), благодаря которым мы постигаем, что, [например], это внимание направлено на тот образ.

III

Среди этого всего, известно, что то, что мы называем исследованием или различением (поскольку благодаря ему мышление исследует и различает), состоит в легком обретении способа (*ratio*) [применения] инструмента, и поэтому это исследование мы называем так общепринятым образом; конечно, поскольку вплоть до нашего времени оно вовсе не было никак рассмотрено, у него отсутствует какое-либо общеизвестное именование. Отсутствие рассмотрения и способа (*ratio*) именованного преграждает путь к обнаружению этого [исследования], поскольку корень припоминания и памяти, которую необходимо сформировать, сокрыт в непроглядной глубине густой тьмы. Итак, есть такой инструмент в способности размышления, который соответствует посоху в нашей руке (поэтому ты можешь обладать способом (*ratio*) именованного оформленного, или, лучше сказать, того, что необходимо оформить), которым, стоя твердо, мы убираем лежащую кучу, разрушаем и разбрасываем, чтобы мы могли обнаружить один каштан в куче желудей или же найти определенный в большой куче.

IV

И этот инструмент познается через движение. Ведь даже если бы существовала двойная добродетель, а именно, сохранения и припоминания, даже если бы они (как говорят) были бы по сути одним, по форме они различаются, равно как и в воображении (*imaginatio*); однако, по моему мнению, в воображении (*imaginatio*) больше. Добродетель сохранения ведь находится на границе добродетели припоминания и воображения, и как бы непосредственно соседствует с ними. Следовательно, различается [способность] припоминания и [способность] воображения, поскольку всякий раз, когда направленность [ума] на воображаемую форму постигается без воображаемой формы, всякий раз при направленности [ума] на нее форма не исчезает. Поэтому происходит так, что, когда одновременно мы многое удерживаем [в памяти], мы не можем многое одновременно воображать. Итак, в этом

случае то, что действует — это инструмент, который различает, разделяет и упорядочивает, или (если угодно говорить более точно) он есть то, откуда происходит различие, разделение, упорядочивание. Поэтому из [способности] мышления выделяется во внимание одно из многих; одно, говорю, воображенное, или образ одного из многих удерживаемых [внимание] выводит на первый план воображения. И, подобно тому, как говорят, что [способность] воображения постигает что-либо из того, что художником изображено на стене, так и [способность] припоминания удерживает направление [ума] на ту картину: так этот инструмент может разъединять и прилагать, или, более того, благодаря ему происходит разъединение и приложение одного к другому, и если они оба соединены, как бывает при соединении звеньев цепи и тому подобного. Следовательно, словно под предводительством самой природы вплоть до наших дней искусство воспроизводило это соединение мест в [определенном] порядке, и где вещь с вещью не могло соединить, располагало одно после другого, одно, говорю, и другое не в собственном смысле и не сообразно плану, но беря из действительного положения; и таким образом словно из внешних образов применяло [соединение мест] для [способности] припоминания³⁵. Следовательно, исследование должно состоять в том, чтобы те соединения (здесь я называю многое одним, соглашаясь с некоторыми словами критиков), которые необходимо постигать по отдельности, сами располагались бы в порядке. Это происходит так, как когда из сотни отдельных овец отдельными и различными знаками чисел, как, например, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и другими по порядку отмечаем — в то время как они только что были стадом и в смешении настолько, что одна загораживала другую, — как посохом пастух одних овец разделяет, а других соединяет, этих собирает, тех зовет, в соответствии с порядком сгоняет разделенных: так мышление (*cogitatio*), сразу отогнав лишнее, отбирает одно за другим то, что нужно, используя саму способность исследования. Это — способ рассмотрения по схожести: как например пастух, помня порядок чисел, вновь припоминает порядок овец, который в них самих не содержится: так [же] мы легко усваиваем то искусство, благодаря которому услышанное или увиденное, используя, раскладываем по порядку как относящиеся к роду [чисел], а затем постигаем по порядку чисел порядок воспринятых явлений до такой степени, что через него можем легко обучить припоминанию тех, кто умеет считать. Немногим известно о таком расположении чисел, о котором [говорили] мы, и эта теория — о полуматематических числах — содержится в книге «Великого ключа». Я считаю, что для способных мы достаточно описали предмет в этой части [изложения]; там же, где мы углубляемся недостаточно, я думаю, мы этого было более чем достаточно для этого места [книги]. Ведь мы считаем, что [изложенное] касается немногих ([то есть тех], которые могут выразить благодарность), а не всех.

V

Итак, исследование есть некое число, благодаря которому мышление своим способом и сообразно своей способности через разграничение, разделение, соединение, прикладывание, изменение, формирование, упорядочивание и сопоставление в единство,

³⁵ Здесь Бруно говорит о том, что искусство припоминания копирует действительное расположение объектов (внешние образы), помещая их в воображении так же, как они расположены в реальном мире с целью последующего воспроизведения памятью.

которое должно быть различено, завладевает сохраненными образами. Оно называется числом, потому что никаким образом иначе не может располагаться в порядке³⁶. В свою очередь число [субъектов] таково, что нет ничего, через что [другое], кроме себя, могло бы получать припоминание (*memorabilitatem induo*) или припоминать (*memorabilitatem habeo*). Когда не препятствует то, что, как я вижу, неизвестно другим и никак ими не определено, в припоминании находится сам принцип необходимости, места (*loci*) ведь имеют силу не потому, что они являются местоположениями, и не потому, что они воображаемы (*imaginata*), но потому, что в своем порядке они обладают таким скрытым числом), отношение (*ratio*) которого (*принципа*. — Л. Т.) к двум различиям (из которых одно собирает [прилагаемые в] ближайший род (*genus*), а другое собирает первое) насколько хорошо можем, настолько и объясняем. Числом [оно], очевидно, называется от скольковости (*quotuitas*), и называется по скольковости, чтобы отличать [его] от обозначаемого числа — так можно ответить спрашивающему, сколько овец, — и обозначаемые числа [называются] благодаря скольковости, так можно ответить спрашивающему, сколько раз овцы проходили навстречу. Благодаря [числу] ведь легко можно ответить спрашивающему, которая по порядку эта овца, а которая по порядку та овца? И поэтому различное [число] называется благодаря скольковости. Когда эта [овца] здесь обозначается двумя способами, очевидно, что соответствует то первому, второму или третьему [числу], то прибегает первой, второй или третьей по порядку или позволяет прибегать [другой]: уже в общем виде [она] выделяется сообразно второму очевидному различию, а не сообразно первому. Ведь скольковость практическая, а не теоретическая, [и], разумеется, заключается не в теории, но, собственно, больше в применении. Ведь это использование происходит двояким образом; и, очевидно, во-первых, с некоторым созерцанием и с некоторым определенным внешним видом, что касается того, что запоминается благодаря врожденным способностям, мышлению и способности понимания, когда знают, что об этом нужно говорить, это нужно объявить, и после этого следует то, а после того по счету третье, то говорится, что собственно в них происходит припоминание, что очевидно благодаря известному отличию [припоминания] от памяти³⁷. И во-вторых, без очевидного созерцания, но лучше сказать вместе с некоторым более самостоятельным (возможно не истинно самостоятельным) размышлением, когда с нами происходит, что мы почти не можем припомнить воспринятых слов, как, например, [слова] Харона у Мерлина:

Есть перкор части диких потрясенные падение³⁸.

И прочие такого рода, в которых никак не может действовать ни [способность] мышления, ни способность различения, следовательно, способность запоминания в отношении них невозможна, припоминание же еще менее, что довольно очевидно тем, кому очевидно отличие одного от другого³⁹. Итак, когда это расположение не относится

³⁶ Здесь Бруно имеет в виду, что запоминаемые образы и их референты («субъекты») всегда представляют собой некоторую множественность («число»), потому что их нельзя свести к одному субъекту.

³⁷ Память (*memoria*) в латинской традиции — это прежде всего способность запоминания/припоминания, а припоминание (*reminiscentia*) — сам акт припоминания. Впрочем, Бруно часто употребляет слово «память» и в более близком нам значении в качестве вместилища актов припоминания.

³⁸ *Est percor partes agrios labefacta ruina.* Бруно здесь приводит эту фразу для демонстрации очевидно бессмысленного высказывания (в этой фразе слова совершенно не сочетаются между собой синтаксически, есть и несуществующее слово *percor*).

³⁹ Т. е. памяти от припоминания.

к памяти, которой свойственно воспринимать и удерживать (как мы говорим и наглядно демонстрируем в учении «Великого ключа»), и не принадлежит в общем виде названному воображению (поскольку оно включает также по своему значению общее чувство, говоря совокупно) — ведь [никакого расположения] нет, разве что [расположения] тех, которые или сообразно целому, или сообразно частям в чувствах частных и внешних предсуществовали своим образом — и определенно [такое расположение] не принадлежит [способности] мышления, потому что [оно] состоит в способности восприятия и мышления, — такого рода [вещи], которые приводятся в пример, не относятся к роду тех, которые можно воспринимать или познавать⁴⁰. Итак, что же это за внутренняя способность, которая те слова, воспринятые через слух, переданные общему чувству, те слова столь голые смогла навязать памяти? Определенно, если эта [способность] мышления (потому что нежелательно выдумывать [какую-то] другую внутреннюю способность, весьма сходную с мыслительной способностью памяти, для того, чтобы эти слова были навязаны [памяти]), то это не голая [способность] мышления, но вооруженная исследованием, которая благодаря нему не только словно рукой может ощупывать, но и то, к чему руку протянуть не может, отправляет в кладовую памяти. Из этого очевидно, что этот инструмент есть то, что необходимо использовать, и то, что он был неизвестен, преградило путь для многих открытий.

VI

Род действий, сопровождающих исследование, разделяется на пять видов: прикладывание, формирование, изменение, объединение и упорядочивание, которые в самом деле известны очень немногим. Так как ведь не все, кто видит и слышит, хорошо знают, каким образом они видят и каким образом слышат, и посредством чего видят и слышат: так и не все, кто прикладывает, формирует, изменяет, объединяет и упорядочивает, знают, каким образом и посредством чего обнаруживаются эти [образы]. Достаточно хорошо известно, что они производятся рассуждающей душой в совокупности и в некоторой слитности, но не вполне [известно], прежде всего, какими силами, или способностями и инструментами [они производятся]; и, хотя мы [этого бы] и хотели, не стало очевидно тому, кто их старался исследовать более глубоко до нас, как, [например], некие из арабов, которые были причастны перипатетической науке, [но] даже предварительно не затронули [вопрос об этих силах, способностях и инструментах]. Но если мы это все хотели бы свести в одно понятие, то предприняли бы величайшее дело, которое трудно было бы сделать общим, в особенности, поскольку я вижу, что в нынешнее время настоящих философов весьма мало, каковое мнение обозначено [мною] во введении. Не говоря уже о том, что новизна некоторых имен, которой требуют новые открытия и соображения, большинство будет раздражать; по этой причине я *умолчал о благом*⁴¹, и также потому, что к этому занятию, которое обращается в особенности к практике, не стремятся по принуждению; следовательно, в наибольшей степени необходимо направлять внимание на то, что [речь] об исследовании прибавляем в надлежащем порядке к тому, что излагают всегда.

⁴⁰ Здесь имеется в виду, что указанную выше цитату невозможно понять, и, следовательно, она не может быть предметом искусства памяти.

⁴¹ Псалтирь, 38.3: «Онемех и смирихся, и умолчах от благ, и болезнь моя обновися». В синодальном переводе: «Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась».

VII

Относительно приложения необходимо отметить [следующее]: утверждается, что эти способности имеют между собой соразмерность и порядок, чтобы внешнее чувство [действовало] бы по отношению к телам, мышление — по отношению к образам тел, воображение — применительно к единичным [актам] внимания относительно образов, рассудок интеллект (*intellectus*) же по отношению к общим природам единичных [актов] внимания и внутри бестелесных предметов разума (*rationes*). Из этой аналогии следует (что мы продемонстрировали в других местах) что, как существует искусство, которое побуждает, привлекает и связывает внешнее чувство, так есть и то, что [его] соблазняет и в высшей степени твердо побеждает. Почему к гроздьям винограда, изображенным Зевксидом, устремлялись птицы? Почему Венеру, которую изваял Пракситель, едва можно было спасти от любовников? Потому что некоторый характер (*forma*) творцов так присоединял их личность (*subjectus*) к вещам, что различал их весьма пристально и хорошо, и обретал именно то место, откуда в особенности и, скажу так, капитальнее, образы проникают в чувства. Пусть же (как выше сказано) этот принцип станет общим для всех, но что он не является единообразным во всех отношениях, достаточно ясно; для тех же, кому инструмент (например, тело) весьма удобен и хорошо подходит, — у тех душа является более ясной.

VIII

Душа более ясная, более открытая божественным идеям лучше схватывает формы объектов, она, например, легче и проще различает то, что было воспринято острее. Считается ведь, что формы в телах есть не что иное, как образы божественных идей, и как же лучше назвать то, что находится во внутреннем чувстве людей, как не теньями божественных идей? Хотя они настолько будут удалены от реалий природы, насколько природная действительность отделена от метафизической. Я полагаю, что то, что из этих образов приходит в интеллект, скорее непосредственно происходит благодаря обращению к тому свету, который вызывает в нас постижение, чем через посредство привнесенных через внешние чувства форм физических вещей. Однако мы испытываем разное от [природных вещей и от идей]. По этой причине полезно следовать без возражений обоим путям рассуждения: что каким образом происходит, ты и сам, если причастен общей философии, благодаря тому, что мы изложили в других местах, сможешь определить. Действительно, если в тебе не силен этот свет видения через использование, то как может произойти, чтобы ты смог надеяться проследовать за излучениями познаваемых в другие внутренние способности души через [себя] самого? Что ведь это такое — не направлять [взор], — как не закрывать глаза? Что такое закрывать глаза, как не находиться, как говорят, в тени смерти? Разве, когда даже толпа говорит о том, что тот, кто закрыл глаза, — все равно что умер, это происходит не из истины о вещах?

IX

Относительно формирования же, которое следует за прикладыванием, сперва необходимо обратить внимание на то, что вся его сила находится в способе его прикладывания. Ведь общая способность постижения имеет то общее с материей, что в себе самой и благодаря себе самой есть не что иное, как сосуд или вместилище; никакой из элементов в себе никакого запаха не имеет, ни вкуса, ни температуры, однако когда они входят [в способность постижения], то говорят, что они становятся разными по порядку степеней температуры, вкуса и запаха. Огонь, находящийся рядом с другим телом, сияет, [причем] лучше или хуже в зависимости от разнообразия тел, рядом с которыми он находится или которые сжигает. [Сияния], разумеется, огонь в себе не содержит, как не содержит в себе и тело, но оба обладают им благодаря прикладыванию⁴². Ты уже понял по аналогии⁴³, что формирование как интеллекта-понимания, так и памяти настолько следует за настолько хорошим прикладыванием, насколько хорошим было предшествующее прикладывание; и его максимальная эффективность отчасти зависит от того, какое руководство (*manuductio*) нам дает исследование.

X

Существуют те, кто хотел бы, чтобы легко припоминаемые (*reductio*) формы, были бы теми, которыми обладает способность (*virtus*) воображения и общее чувство (*sensus*) многочисленных телесных и умеренных [по количеству], как сами говорят, духовных (*spiritualitas*) [форм], формы же, которые трудно припоминать, — были бы [формами] многочисленного бестелесного и умеренного [по количеству] телесного. Ведь они в этом себя убеждают, потому что формы многочисленных телесных то же удерживаются, пока общее восприятие общее чувство отличает бестелесность от их телесности, поэтому случается, что *та* форма фиксируется в *этой*, и так [происходит] в особенности всякий раз, когда она получает [форму] маленькой оболочки панциря (*cortex*). Поэтому они делают вывод, что человек неторопливый, в душе которого закрепляются чувственные [объекты], которые преходящи, обладает лучшим припоминанием. В этом всем легко убедиться, однако благодаря объяснению такие примеры похожи на мнения и речи грезящих. Ведь они утверждают, что образы, подлежащие запоминанию, являются одни быстрыми, другие медленными, одни своевременными, другие ранними, одни формируются через коня Мартина, другие через коня Георгия, [однако] говорить и считать [так] не соответствует силе этих [образов]. Ведь что бы ты ни думал, никогда телесность как телесность, или правильнее сказать, тело как тело, не должно приводить к познанию чего-либо; напротив, необходимо признать в отношении всего, что действие не происходит от телесности, [и еще] менее от большей [телесности], [и] от наибольшей наименее, потому что тело, будучи телом, не

⁴² Здесь Бруно, конечно же, приводит лишь сравнение с физическими предметами, горение огня является лишь метафорой. Сам по себе огонь или сжигаемое тело, согласно сказанному выше, не обладают теплом (*calor*) или температурой, но приобретают их только в связи с восприятием.

⁴³ В тексте — *similitudo*, Это, разумеется, не пример в собственном смысле слова, но то, что в индийской теории аргументации называется *дриштанта* (*dr̥ṣṭānta*) — аналогия, которая не является «примером», потому что не относится к классу рассматриваемых объектов, но лишь помогает постичь рассматриваемый вопрос благодаря сравнению.

действует; ведь любое действие возникает от качества, и возникает скорее от того, что более духовно (*spiritualius*) по самому качеству, и наиболее от [полностью] бестелесного (*incorporeum*). Поэтому можно что угодно думать о словах этих достославных мужей, однако [их слова] не могут избежать противоречия, и если ты хочешь их оправдать тем, что телесные действуют больше, не потому что они телесны, но потому что могут удерживаться крепко и являются переносчиками акциденций, от которых происходят образования (*informatio*), которые удерживаются благодаря удерживающим телам и, удерживаясь, укореняются больше: это оправдание не могут проглотить и держать в себе те, у кого более нежный желудок, не изbleвав их мнение от их же слов. Я оставляю в стороне то, что более грубые упрямее и более упрямые грубее, и не противоречит [вышесказанному] то, что по опыту мы, медля в созерцании одной вещи, больше запоминаем, чем созерцая [ее] мельком; ведь не менее опыт [свидетельствует, что] то, что мы услышали или увидели, или даже созерцали без промедления, запоминаем навсегда, другое же, на что мы более длительно и более внимательно смотрели или что созерцали, удерживаем очень плохо. Итак, добродетель заключается не в медлительности и телесности, а, напротив, в том, что наилучшим образом достигает тела.

Что же до [медлительности], то не медлительность [производит] формирование, но активность формы; но [лишь] кажется, что иногда задержка бывает полезна, потому что некая форма является неподходящей, или не созданной для того, чтобы действовать быстро, или же субъект [не способен] быстро воспринимать, и поэтому действие [этой формы] совершенствуется благодаря промедлению. Ведь когда форма более бестелесна, она и более активна. Огонь является наиболее активным из всех элементов потому, что он наиболее бестелесен, и наиболее способен обращаться на себя, и потому, что когда ему предоставлен материал, он один сам по себе произрастает до бесконечности. Также, если он сильно действует, [то] не потому, что его много и он велик, или из-за того, что в нем много телесности, но вследствие весьма интенсивного качества, которое находится в его величине; ведь это качество (как указывают некоторые платоники) если могло бы приобрести половину своей величины, стало бы настолько большим, что действовало бы вдвое сильнее, если бы достигло минимального количества, то стало бы наиболее сильным, если бы свелось к атому (*individuum*), стало бы бесконечно более сильным. Итак, отсюда можно видеть, сколь необдуманно говорят указанные философы.

XI

Из этого также ясно, насколько безыскусно (поскольку отметить это можно не без пользы для тех, которые рассматривают настоящее начинание) некоторые коновалы преподносят вульгарное [мнение]: «не качество, но количество»; тогда как для [достижения] их целей нужно провозглашать вовсе противоположное. Пусть ведь достоинство качества не будет меньше [достоинства] количества, и в большом количестве сохранялось бы большое качество: никогда, однако, активность не должна соотноситься с массой и всем тем, что относится к устройству (*ratio*) материи, протяженность ведь сама рассматривается (самими же судящими) в отношении содержания качества, а также формы. Конечно, она может с этим соотноситься, если их аптекари скажут, потому что получают плату за количество, которое измеряется весом, числом и мерой, что что-то [в количестве] содержит качество чистых

веществ, ядов и других лекарств; и потому-то, как считаю, некто из них в своем знаменитом [сочинении] произнес известное в нашем отечестве [изречение]: «не качество, но количество». Хотя ведь не подлежит сомнению, что он это отнес к изображенной свинье, о которой не спрашивают, как о лошади, имеет ли она соразмерные глаза, маленькие ушки, узкую шею, широкую грудь, грозный лоб, живую пасть, вольные голени и прочее в таком же роде, но если она толстая, большая и упитанная — это больше подходит к свинье, [чем], когда говорят о том, что находится внутри аптеки: «не качество, но количество», как [в случае с] добродетельной матерью, которая одарила приданым дочерей и обучила сына.

ХII

Объединение же и изменение, хотя бы и были двумя действиями, происходят, однако, одновременно. Ведь объединение происходит через изменение, и изменение через объединение. Их соотношение мы демонстрируем так: сказал Гераклит, если бы все сущее было испарением, то обоняние различало бы все⁴⁴. Мы скажем, пожалуй, более грубо: если все, кроме лисы, превратились бы по ошибке в кур, лисы бы не голодали, и все были бы хищными. Из способностей все превращаются по-своему, [но только] одно — мышление человека все способности по-своему называет и изведывает, [только] одно — мыслительная [способность] человека. Мышление (не без акта мышления) сможет достигнуть такого рода превращения, что по мере сил воспроизводило бы в акте познания все, что может припоминаться, не исключая познавательной [способности]. Но ты можешь сказать, что будет нужно, чтобы мышление превратило все или в один образ, или во многие; если превратило бы или преобразило в один, уже не представляло бы [собой] память о многих, но об одном — если разумеется, все обратилось бы в яйцо, то волк уже не расширится до съедобного вида, чтобы можно было сказать, что, кроме кого-либо одного, другие являются съедобными. — [А что] если бы оно превратило и преобразило во многие образы, конечные или бесконечные? Если в конечные: или в определенные, и их нужно постигать и определять, или неопределенные, и так мы останемся там же, где мы есть. В бесконечные же, таким образом, [превращать] неразумно. Следовательно, необходимо знать, что превращение должно происходить не так, чтобы уничтожалось субстанциальное различие, и чтобы акциденции, собственно присущие каждой отдельной вещи, устранялись, но чтобы различные и все единичные так к тем были приложены, когда [к ним] добавляется форма, [чтобы] сами по-своему подвергались бы воздействию, чтобы следовали одному порядку (ratio) припоминания, согласно одному и через одно. — Так, этот волк будет пожирать все как одно, если все субстанции и те, которые непосредственно проистекают из них, будут принимать одеяния акциденций одного рода.

⁴⁴ Т. е. остальные органы чувств были бы не нужны.

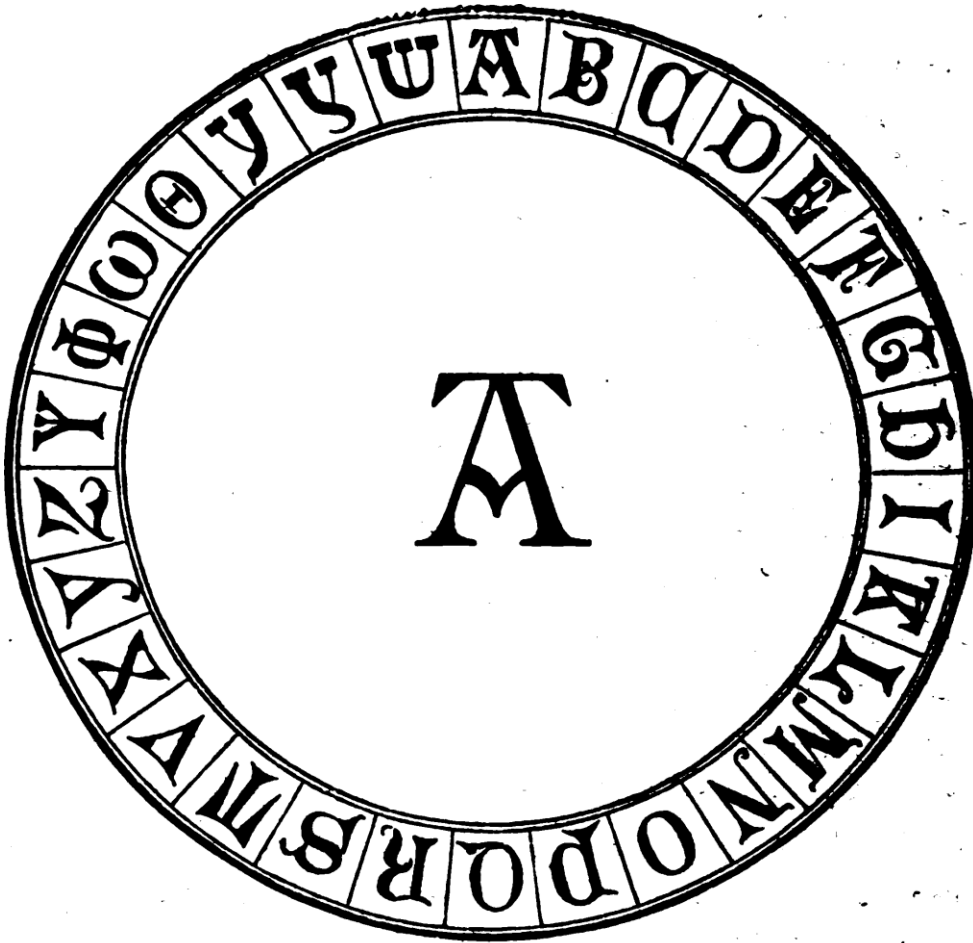

Рис. 1

Подобно тому как элементы, если их бесчисленное количество, могут отражаться именно в этой гласной [букве], находящейся в центре круга (не исключая того, что единичные из них могут сохранять разнообразие), все подчиняются модусу одной гласной, но не происходит так, что через приложение гласной слегка отграничивают от других разнообразие своей сущности, чтобы через [это разнообразие] можно было бы больше проникать именно в эту [гласную букву]. Так, через многие приложенные инструменты одного бестелесного производятся различные звуки в соответствии с их собственным смыслом (*ratio*). Итак, благодаря чему ты не оказался бы в положении отчаявшегося и словно оказался бы с оружием наготове против любого образа из бесчисленных возможных, который надо составить, который должен быть расположен на границе воображения (*phantasia*) и мыслительной [способности], благодаря которому как универсальное, так и душа облачали бы [на себя] припоминание, словно то, что можно увидеть в книге? Это мы предоставляем твоему усердию, о талантливый, кто бы ты ни был! Посмотри внимательно, что могло бы обнаружить способ открытия, [сделанного] Паном, богом Аркадии, [которое заключалось в] соединении диких тростников (*calamos*)⁴⁵; эти действия, которые благодаря различным врожденным способностям не могли прежде без труда звучать в унисон, теперь же благодаря единому духу, [соединившему звуки] в одну сплоченность словно благодаря

⁴⁵ Имеется в виду, что Пан (согласно Бруно) первым сделал палочку для письма — калам, благодаря которой припоминаемое смогло быть письменно зафиксировано.

вливанию различных циклов, насколько подобающе один превосходит исключенное уничтожение и произведенное соединение!

ХIII

Относительно того, что касается упорядочивания, существуют общеизвестные утверждения (пусть и относящиеся к делу мало или умеренно), зависящие от него (*от упорядочивания*. — Л. Т.), которые, поскольку было принято в соображение то, что нами было обстоятельно разобрано, могут легче входить в употребление. Итак, чаще всего говорят, что припоминание случается всякий раз, когда *это* движение следует по необходимости за *тем* движением, или *это* движение сопутствует *тому* движению, или это происходит или посредством локальной, или темпоральной, или рациональной, или натуральной, или искусственной, или каким бы либо иным образом иначе благодаря произвольной ассоциации или следованию одного за другим. Разумеется, согласно такому способу мы продвигаемся от припоминания снега к припоминанию зимы; отсюда к [припоминанию] холода, от него к [припоминанию] усиления жара в желудке, от него к [припоминанию] быстрого переваривания, от него к аппетиту и весьма оживотворяющим питанию, силе и упражнению, и так от одного к другому вплоть до [последнего]⁴⁶. Относительно всего другого сходным образом. Если же что имеет природу, лишенную порядка⁴⁷, оно может относиться к другому упорядоченному и иметь опору в том, что всегда должно быть чем-то чувственным; вследствие чего не случайно философ, который рассуждает, говорит, что порядок существует благодаря собственной природе чувственных, и не познается через него самого вне границ природы. Поэтому если бы ты спросил у него, что такое порядок, то он ответит: [порядок], — это следование вещи в соответствии с путем природы. Что такое лишенность порядка? — Отступление, он ответит, от пути природы. Это те, которые мы хотим назвать относящимися к инструменту и к исследованию инструмента: если ты будешь внимательно их созерцать, ничто не сможет помешать тебе продвигаться далее: ведь благодаря ним ты избежешь того, что скрывало путь к последующим действиям. И, конечно, мы не смогли не добавить под названием теории те, которые сами могли бы наполнять практику.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

I

Ну, давайте теперь перейдем к форме действия, в которую нужно проникнуть; действуя как в предисловии, перейдем от знакомства с более простыми элементами к рассмотрению составного целостного и совершенного.

⁴⁶ Бруно приводит наглядный пример того, как к одному субъекту может прикрепляться последовательно, в принципе, бесконечное множество прилагаемых.

⁴⁷ Впервые это у Аристотеля в третьей [книге] о небе и мире. — Прим. автора. *Аристотель*. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3 / Перев. А. В. Лебедева; под ред. И. Д. Рожанского. М.: Мысль, 1981. Кн. 3. Гл. 2. С. 347: 301a:5: «Кроме того, беспорядочно [двигаться] означает не что иное, как [двигаться] “противоестественно”, так как природа есть порядок, свойственный чувственно воспринимаемым [вещам]».

Итак, вначале по примеру тех, которые учат раньше подносить руку к странице, чем глаза успели [впериться] в написанные буквы, мы ставим впереди субъектов, которые надо приготовить, их память, которая бы [им] предшествовала, чтобы их достоинства и эффективность обнаружили бы этот способ. Можно взять общий субъект и, во-первых, разделить его на большие части, которые, по крайней мере, из установленного действующего друг к другу должны примыкать. Эти большие части выше были названы более частными субъектами. Здесь мы подходим к тому, чтобы расписать, как эти части поочередно определяются и, воспринятые, друг к другу взаимно примыкают, в месте истинного или условного примыкания вычленяют другие части, которые являются наиболее частными или индивидуальными субъектами [и] которые должны умножаться в соответствии с принципом широты более частных субъектов и кстати возникающих мест, к которым они должны примыкать.

II

Если [локусы] расположены так и без труда пребывают в памяти, то появится каталог различных чувственных вещей, которых тотчас сначала будет 25, затем 50, после 100, чтобы постепенно благодаря упражнению столь сильно желаемое учение могло бы быть установлено, когда то, что будет считаться наилучшим, как например те, чей порядок предоставит естественную память благодаря заслуге субъектов, которым [они] распределены и к которым приложены, будут тебе являться в не меньшем порядке, чем если были бы начертаны на странице, чтобы от последнего к первому ты смог бы перейти именно с такой легкостью, с которой ты переходил от первого к последнему. Так и таким образом желательно обращать вспять порядок того, что необходимо припомнить, поскольку этому способствует само восприятие локусов.

III

Поскольку эффективность субъектов очевидна, мы можем перейти к устройству (ratio) прилагаемых, которое является столь же крепким и прочным основанием для естественной памяти.

Итак, существует двоякого рода память терминов и вещей: первая легко допускает их необходимость, а вторая в каком-то другом роде: или считая, что способность припоминания сама заостряется для приведения в порядок [ее] собственной функции, — мы, претерпев более тяжкое, приобретаем привычку не воспринимать меньшие трудности и тяжести, — или думая, что [это] приносит привычка некоторой способности всякий раз, когда встречающиеся требуют выражения основного предмета или содержания первоначальных слов, или полагая, что так происходит потому, что у вещей возникает уникальное собственное имя, и это недостаточно очевидно — как, например, [имена] трав, деревьев, минералов, семян и другого того [же] рода, о чем иметь представление менее всего достаточно [для их запоминания], — или, наконец, потому, что часто происходит именно такая ситуация, когда надо произнести слова, отношения между которыми мы меньше всего видим.

IV

О родах, к которым сами вещи присоединяются, благодаря которым они раскрываются и в себя взаимно проникают, мы сообщим в другом месте. К роду же этой способности тебе достаточно открыт путь на том основании, что было сказано прежде; и у тебя нет лучшей наставницы и водительницы, [чем] внутренняя или внешняя природа, которая тебя просвещает через прирожденный разум и наличные объекты.

V

Также тебе могут встретиться способы, к которым применяются множественные и бесчисленные термины, если только ты искушен в осуществлении [указаний] «Великого ключа» (он, разумеется, является источником всех открытий), те [же] из них, которые нам показались более удобными, мы в различных местах объясняем. Лишь одним способом, который вплоть до наших дней использовали древние, совершенно пренебрегаем, потому что он слишком тяжел и требует многих упражнений, и не все правильно его понимают.

VI

Итак, мы вскользь упомянули ту широту внутреннего чтения и попридержали [рассуждения] о долготе, поскольку они разбрасывают и растаскивают взор мысли. Обсуждалось более важное занятие, которое удерживало, по причине сложности искусства и большой продолжительности упражнения, устремляющиеся врожденные способности от более достойных занятий. Что же? [Взяв] единственный субъект, благодаря единственному приложенному, настолько исключительный (среди многих) можно было использовать элемент, хотя, разумеется, возможны бесчисленные различия комбинаций и соединений. Поэтому очевидно, что тот, кто первый передал это искусство от греков латинянам, насмехается над занятиями некоторых греков, которые желали записать образы слов (*imago*), а также так их организовать для себя, чтобы они были бы удобны [и] не тратилось время на [их] отыскивание. Ведь он видел, что слов бесконечное множество, и по этой причине смешно хотеть следовать за этим [множеством]. Однако для нас не только возможно, но мы также легко узнали, что можно иметь заготовленные образы. Для этих отдельных мест любого рода мы предоставляем цельные термины, и [все] это разными способами — как мы сделаем очевидным во многих трактатах, что будет изложено через тот способ, который [предложен] далее.

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА, КОТОРАЯ [ЯВЛЯЕТСЯ ПРАКТИКОЙ] СЛОВ.
О ЗАКРЕПЛЕНИИ (FIXIO) КОЛЕС

I

Для приуготовления упорядоченного упражнения для начала нужна готовая совокупность элементов: элементов, говорю, которые могут быть правильно объяснимы (*explicabilis*) через прилагаемые, которые подходят всем производимым действиям, но не всем испытываемым претерпеваниям (*passiones*).

II

Итак, из них следует выбрать 30 лучше укорененных твоих представлений для выражения 30 элементов, которые позволяют припоминать (*reddunt*) полное число тех, которые применяются к различным [элементам], в трех своеобразных выражениях (*idioma*) через различие произношений; и ведь не обязательно вводить три отдельных элемента (*elementaris*), потому что само *A* будет эквивалентно самой α и κ , *B* — самой β и λ , сходным образом и многие другие другим. Там же, где сверх того элементы нашего рода являются греческими, как ψ , ω , θ , и кроме того — еврейскими, [они] отмечены особенными характеристиками. И так один простой [элемент] из элементарных употребляется для [всех] трех языков и для тех, которые им подчинены⁴⁸.

⁴⁸ Здесь имеется в виду, что мы прикладываем к одному элементу («субъекту» — *subjectum*) другой элемент («прикладываемое» — *adjectum*), причем первый служит как бы реперной точкой (от фр. *repère* — «метка», знак, отправная точка), или ярлыком, якорем (локусом) для припоминания второго. При этом, как отмечает Бруно, совершенно не обязательно выделять такие схожие буквы, как *A* латинское, альфу и алеф в качестве отдельных реперных точек. Одна *A* как бы может подразумевать под собой все многообразие «соответствий» в других языках, при этом если корреляция с определенными буквами в других языках отсутствует, как в случае со специфически греческими буквами пси, омега или тета, или же специфически еврейскими, они выделяются в отдельную реперную точку. Таким образом, с добавлением к 24 латинским буквам трех специфически греческих и еще трех еврейских мы получаем ровно 30 реперных точек (элементов).

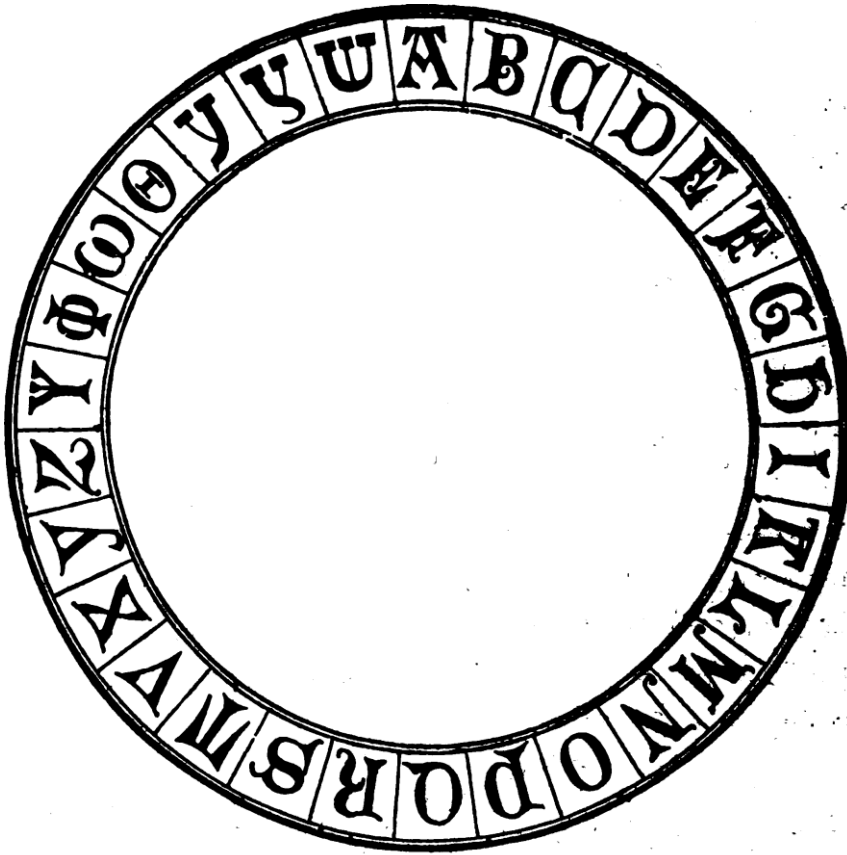

Рис. 2

III

Итак, тридцать прилагемых с возможной быстротой без всякой задержки представляют себя твоему воображению (*phantasia*), когда ты или кто-то другой пытается быстро ответить на вопрос, что находится в надлежащем порядке или в беспорядке по отношению к отдельным представленным элементам⁴⁹, движется в их сторону или от них.

IV

После того как мы изложили это, мы переходим к распределению отдельных определенных действий, которые все воспринимаемы зрением, и они следуют не без движения тела. Ты, в зависимости от того, что тебе покажется более удобным, [их] упорядочишь и установишь; мы [же] пока приводим примеры такого рода действующих и действий:

- Ликаон в пиршество АА,
- Девкалион в камни ВВ,
- Аполлон в Пифона СС,

⁴⁹ Элементы у Бруно — это в узком смысле буквы (алфавит), в широком смысле — локусы, или любые реперные точки.

- Аргус в корову DD,
- Аркад в Калисто⁵⁰ EE,
- Кадм в посеянные зубы FF,
- Семела в дитя GG,
- Эхо в Нарцисса HH,
- Тирен моряк в Бахуса мальчика II,
- Пирам в Энсете KK,
- Миней в прядение шерсти LL,
- Персей в голову Медузы MM,
- Атлас в небо NN,
- Плутон в Прозерпину OO,
- Циана в водоем PP,
- Арахна в паутину QQ,
- Нептун в лошадь RR,
- Паллада в оливу SS,
- Ясон в быков TT,
- Медея в котелок Эсона⁵¹ VV,
- Тесей в Сцирос XX,
- Дочь Низа в отцовский волос YY,
- Дедал в устройство крыльев ZZ,
- Геркулес в Антея Щ Щ,
- Орфей в лиру Ф Ф,
- Киконы в Орфея Ω Ω,
- Эзак⁵² в пропасть Θ Θ,
- Мемнон в похороны υ υ ,
- Арион в дельфинов χ χ ,
- Главк в траву ψ ψ .

От них не обязательно требуется, чтобы сначала один элемент действующего имени или действия был тем же, что он выражает; ведь достаточно того, что они оба приписаны этому определенному обозначению.

Итак, ты так вначале расположишь неподвижное колесо внутри другого неподвижного, чтобы внешнее обозначало людей, а внутреннее — определенные действия.

⁵⁰ Калисто — аркадская нимфа, спутница Дианы, мать Аркада. Также Калисто в переносном смысле — созвездие Большой Медведицы.

⁵¹ В тексте AEsonis.

⁵² В тексте AEsacus.

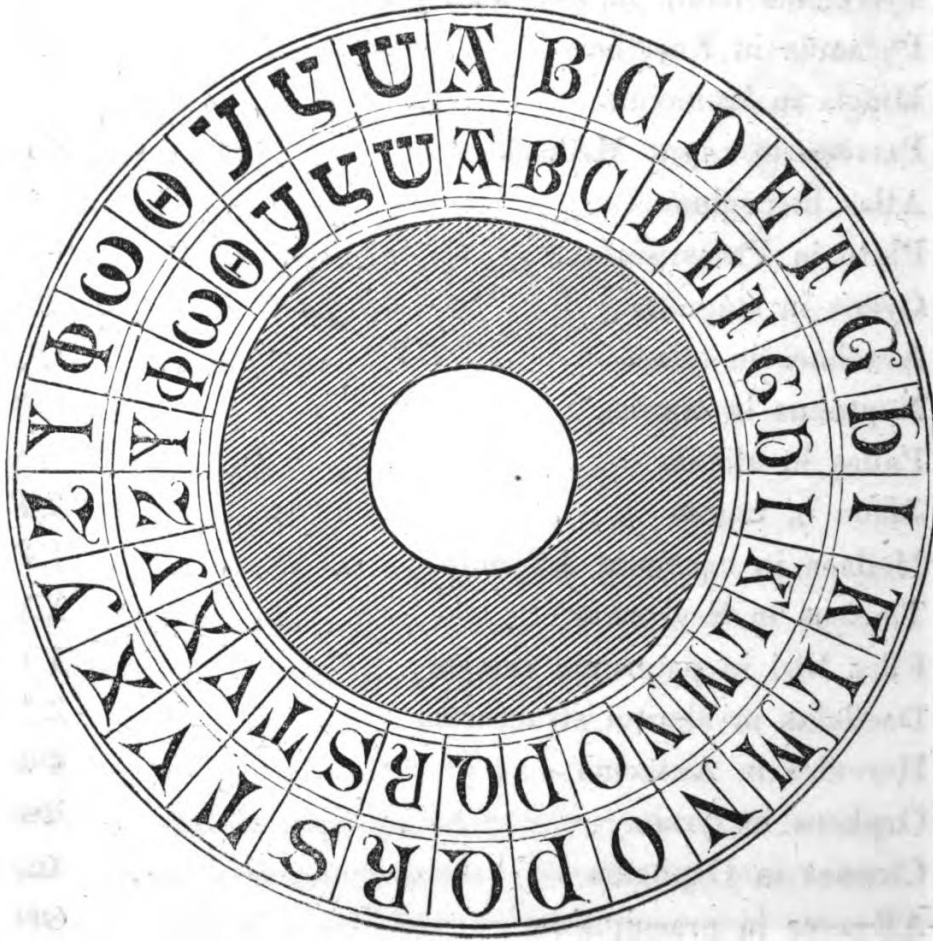

Рис. 3

V

Если [колеса] правильно примыкают [друг к другу], это может принести успех дальнейшему делу. Желательно, говорю, к человеку или действию человека прикладывать инструмент или признак, но не тот, который только к его действию должен иметь отношение, но тот, который, как случается, будет приспособленным ко всем, или, по крайней мере, совместимым со всеми присутствующими делами (opus). Не потому ведь фиксированные придают форму этому колесу, чтобы пребывать вечно, но чтобы, будучи присвоенными одному прилагаемому, закрепиться в нашей памяти, чтобы, когда ходят туда-сюда, всегда и непременно могли бы относиться к тому, с целью чего, как впоследствии будет ясно, присутствующие упорядочены. Поэтому у Ликаонта есть оковы, у Девкалиона — священная повязка, у Аполлона — перевязь для оружия, у Аргуса — капюшон, у Кадма — передовое знамя, у Семелы — подложенное сиденье и так по порядку у одних — другие; пусть они будут свойственны единичным, однако они могут быть приложены всем мужам (viri), о чем же еще заботиться?⁵³ Ведь необходимо ставить во главу угла цели (ratio) конечной практики и совершенство замысла (ratio) начальной практики.

⁵³ По-видимому, здесь Бруно говорит о том, что мы можем прикладывать разные прилагаемые к разным субъектам, независимо от того, находились ли они изначально в сочетании согласно тому или иному мифу.

Итак, затем размести неподвижное колесо внутри двух других неподвижных, которые [представляют] два других постоянно рождающихся [уровня], относящихся к человеку⁵⁴, так что [все три] непрерывно природу элементов, которые повсюду располагаются и по-всякому размещаются, могли бы демонстрировать. Фиксированные колеса, которые необходимо рассмотреть взором ума, [выглядят] так:

Рис. 4

Там внешнее [колесо] обозначает людей⁵⁵, среднее — присущие [им] действия⁵⁶, внутреннее же — признаки (*яркие свойства*. — Л. Т.), следующим образом⁵⁷:

А Ликаон⁵⁸

А к пиршеству

А в цепях⁵⁹

⁵⁴ См. колонки ниже, в колонке 1 располагаются субъекты («человек»), в колонках 2 и 3 — «относящиеся к людям».

⁵⁵ Выше сказано, что людей обозначает внутреннее колесо.

⁵⁶ Действия тут, по-видимому, обозначены через существительные, ярко указывающие на эти самые действия.

⁵⁷ Высказывание странно, потому что выше указано, что людей (субъекты) обозначает внутреннее колесо.

⁵⁸ В тексте — Лусас, очевидно, имеется в виду Ликаон. Решив испытать Зевса на предмет, является ли он в действительности богом, Ликаон убил своего сына (или внука) Аркада и поднес его мясо Зевсу в качестве угощения. Согласно Овидию, был превращен в волка Зевсом, а его жилище было испепелено молнией. См. Овидий, «Метаморфозы», I, 216. Читать с 210. λῦ κέ η ῥή (sc. δорά) волчья шкура Ном. Ср. миф о Тантале, который, испытывая всеведение богов, предложил им мясо своего сына Пелопа, за что и понес наказание («Танталовы муки»). Ср. миф об Атрее, внуке Тантала, убившем детей своего брата Фиеста и угощавшем их мясом гостей на пиру (см. «проклятие рода Атридов»). Ср. историю Авраама, принесшего в жертву Богу своего сына Исаака. Не принес!!! Это надо убрать или делаь большущее примечание вроде С. Киркегора.

⁵⁹ Судя по всему, порядок расположения героев в таблице и, соответственно, мифологических сюжетов следует таковому в «Метаморфозах» Овидия. Почему Бруно упоминает цепи, неясно.

<i>В</i> Девкалион	<i>В</i> к камням	<i>В</i> со священными повязками ⁶⁰
<i>С</i> Аполлон	<i>С</i> в Пифона	<i>С</i> с перевязью ⁶¹
<i>Д</i> Аргус	<i>Д</i> в охранение коровы	<i>Д</i> с воротником [на тунике] ⁶²
<i>Е</i> Аркад	<i>Е</i> к Каллисто	<i>Е</i> с сумой ⁶³

Аналогично необходимо установить, упорядочить и решить относительно других [элементов]. Ведь там, где для обозначения третьего элемента случится добавить инструмент⁶⁴ (хотя это представляется менее удобным, происходит так, что соответствующее или имеющее отношение действие не получает в [свое] распоряжение такое приложенное (*appositum*)⁶⁵), он сам для удобства может быть представлен как прилагаемое, или фиксированное, или «помещенное между» (*другими элементами. — Л. Т.*) таким образом, чтобы он мог расстроить действие (*operatio*), помочь, и (или) стать отброшенным, ниспровернутым, исключенным, изгнанным, уничтоженным, разрушенным, возникнуть (*incido*) или быть каким-угодно иным, чтобы способствовать делу. Остальное несравненно удобнее обозначить, разумеется, поскольку знаки (*insigne*)⁶⁶ могут без труда относиться и применяться ко всему.

VI

Очевидно, специально для того, чтобы ты преуспел [в этом искусстве], желательно, чтобы ты применял соответствующие действия, которые необходимо обнаружить, и инструменты, или знаки; подобно тому как [для] каждого из конкретных людей существуют особые весьма примечательные и знакомые образы, так и отдельные [образы] (поскольку каждого привлекают свои чувственные наслаждения) вызывают припоминание (*habent*) благодаря тем действиям, инструментам и знакам, которыми они больше возбуждаются и больше устремляются к чувствам. Ведь выше мы назвали чувства дверями памяти, и из этих [образов] более сильными являются те, что бросаются в глаза; первые

⁶⁰ Девкалион — супруг Пирры, вместе с ней спасшийся от всемирного потопа, устроенного Зевсом. Согласно Овидию, Фемида приказала супругам покрыть голову и кидать за спину камни, из которых рождались люди, чтобы вновь заселить землю. Бруно здесь упоминает «священные повязки» (*vittae*), которые Овидий не упоминает, по-видимому, потому что Девкалион и Пирра были весьма благочестивы (именно поэтому Зевс и пощадил их во время потопа), и после потопа, оставшись единственными людьми на земле, Девкалион фактически становится теократическим властелином мира над своими вновь созданными им же подданными, поэтому Бруно и дарует ему священные повязки.

⁶¹ Как передает миф Овидий, Аполлон убил гигантского змея Пифона, порождение Земли, практически исчерпав свой колчан со стрелами.

⁶² Согласно мифу, многоглазый великан Арг (Аргус, Аргос), поставленный Герой на страже возлюбленной Зевса Ио, превращенной в корову, был убит сыном Зевса Гермесом, чтобы освободить его любовницу. С какой целью Бруно упоминает ворот туники (или капюшон плаща?), неясно.

⁶³ Сын нимфы Каллисто и Зевса. Когда Каллисто была превращена Артемидой в медведицу, Аркад чуть было не застрелил ее из лука на охоте. Был убит своим вышеупомянутым отцом (дедом) Ликаоном и предложен в качестве угощения Зевсу, воскрешен Зевсом после превращения Ликаона в волка. Сума упоминается, видимо, потому, что согласно мифу Аркад был пастухом.

⁶⁴ В случае с таблицей выше инструмент — это цепи, сума, капюшон и т. п. вещи из третьей колонки.

⁶⁵ По-видимому, имеется в виду обозначающее непосредственно действие.

⁶⁶ Имеются в виду реперные точки.

и вторые, разумеется, не одно и то же, и [память] происходит из всех начал (principia), но не от [чувств].

I

О ДВИЖЕНИИ КОЛЕС

Итак, узнав для начала ранее названные колеса, которые мы зафиксировали в уме, мы всегда сможем использовать соответствие [элементов]; пришло время, чтобы ты подготовился к основной практике [запоминания], для начала узнав первое соответствие, которое состоит из любых двух элементов. Ты видишь первую фигуру, состоящую из двух фиксированных колес. Так вот, в то время как внешнее [колесо] остается зафиксированным, внутреннее [колесо] начинает вращаться; тот [элемент внутреннего колеса], который прежде был зафиксирован, обращается к тому фиксированному [элементу внешнего колеса]; итак, ради бесконечно множественного действия из-за того, что [элементов] много и [они даже] бесчисленны, [внутреннее колесо], вращаясь, пробегает [все элементы внешнего колеса].

II

О ДВИЖЕНИИ ВНУТРЕННЕГО КОЛЕСА ПЕРВОЙ ФИГУРЫ⁶⁷
ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ЧЕГО УГОДНО ИЗ ДВУХ ЭЛЕМЕНТОВ

Итак, действие, говорю, которое свойственно конкретному [элементу], обращается ко всем [элементам] круга, и поэтому соответствует любому [элементу] с целью сопоставления, которое мы хотим сделать. [Выражение] «Ликаон к пиршеству» тебе давало парные элементы AA, когда A внутреннего колеса находилось рядом с A внешнего; равным образом «Девкалион к камням» давало BB. Когда же колесо поворачивается, то у тебя будут уже не парные, а двойные элементы: поскольку когда B нижнего колеса встает рядом с A верхнего колеса, то уже у тебя будет не AA («Ликаон к пиршеству», но «Ликаон, который должен быть обращен к камням», «Девкалион к Пифону, которого нужно испытать», «Аполлон к корове, которую нужно охранять»; и так друг за другом каждый элемент получает действие того, рядом с которым он находится, по мере того, как [с вращением колес элемент внутреннего колеса] соединяется с новыми последующими элементами. Итак, ты хочешь, составить комбинацию PA? Помести [элемент] A внутреннего колеса под [элементом] P внешнего колеса и получится «Плутон к пиршеству». Хочешь комбинацию RE? поставь [элемент] E внутреннего колеса под [элемент] R внешнего колеса, и получится «Нептун к Каллисто, которая должна быть поражена [стрелой]». Таким же образом комбинация SI дает «Палладу к мальчику-Вакху»; VO — «Медю к Прозерпине, которая должна быть похищена⁶⁸». Итак, ты видишь, каким образом происходит сопоставление двух элементов, которое должно быть представлено чувствам.

III

⁶⁷ Рис. 3.

⁶⁸ Согласно мифу, богиня плодородия Прозерпина была похищена Плутоном и была вынуждена половину года проводить с ним в подземном царстве, что объясняло отсутствие урожая в течение этого времени.

О ДВИЖЕНИИ ВТОРОЙ ФИГУРЫ⁶⁹ ВНУТРЕННИХ КОЛЕС И О ЛЮБЫХ КОМБИНАЦИЯХ ТРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ

Так же во второй фигуре, благодаря двум внутренним колесам, которые можно свободно и беспрепятственно вращать, ты сможешь представить любое сопоставление из трех элементов; так как, когда три колеса были зафиксированы, «Ликаон к пиршеству к оковам», что было выражено через ААА, теперь Ликаон, действующий в отношении Медузы и со знаком Плутона будет представлен [элементами] АМО, Аркад вместе с деянием Семелы⁷⁰ и знаком Плутона — [элементами] ЕГО⁷¹, Медея, действующая в отношении Тирренца со знаком Персея [элементами] VIM⁷²; и так, по-разному вращая внешнее колесо над определенными элементами среднего и внутреннего, ты сможешь составить любые комбинации из трех элементов, которые только можно придумать.

IV

О ЛЮБЫХ КОМБИНАЦИЯХ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ,
КОТОРЫЕ МОЖНО СОСТАВИТЬ ОДНИМ СПОСОБОМ

Если же будет необходимо составить соединение из четырех элементов, нет необходимости добавлять четвертое колесо, ведь происходит так, что оно получает четвертое место в соединении не благодаря всем элементам, но [лишь] немногим⁷³, как, например, *S*, которое является четвертым в сочетании *MENS*, и *T*, которое является четвертым в комбинации *DANT*. Итак, зачем нужно колесо, чтобы указать на наличие четвертого элемента? Достаточно, чтобы что-то определенное, что уже в наличии или прибавляется, занимая некоторое положение, прилагалось бы к субъекту или к прилагаемому, из которых один [элемент] может указывать на одно, а другой — на другое.

V

ТАКЖЕ И О ДРУГОЙ КОМБИНАЦИИ ИЗ ТРЕХ УПОРЯДОЧЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ ДРУГИМ СПОСОБОМ⁷⁴

Есть и другой способ, которым четвертый элемент прибавляется к третьему: ибо ведь когда *L*, *R* и *N* находятся между элементами, стоящими выше и ниже⁷⁵, как в первой комбинации *TRUNCUS*⁷⁶, во второй *INCRASSATUS*⁷⁷, в третьей *PERMAGNUS*⁷⁸. Для представления элементов, [которые] должны обстоять определенным образом, а также места,

⁶⁹ Рис. 4.

⁷⁰ По легенде — мать Диониса. Деяние Семелы — рождение Диониса.

⁷¹ Выше *O* обозначало Прозерпину, а здесь обозначает Плутона.

⁷² Выше *I* означало Палладу. Возможно, этим Бруно показывает произвольность обозначений элементов и вообще элементов.

⁷³ Т. е. четвертый элемент может быть добавлен окказионально только в конкретное сочетание, без добавления четвертого колеса со всеми элементами.

⁷⁴ Совершенно неясно, как из трех элементов путем добавления *L*, *R*, *N* может получиться комбинация *TRUNCUS*, *INCRASSATUS* или *PERMAGNUS*.

⁷⁵ Т. е. во внешнем и внутреннем колесах.

⁷⁶ Букв. «ствол».

⁷⁷ Букв. «сделанный крепким».

⁷⁸ Букв. «огромный».

которое должно быть обозначено, ты сможешь присоединять чувственные акциденции или в субъекте, или с субъектом, или к субъекту⁷⁹. К самому [субъекту] я обыкновенно присоединял умозрительное прилагаемое, которое обозначало или пребывающее третье, или зависимое второе, или неподвижное первое. Потому что если появятся другие буквы кроме тех, которые уже были показаны, — которые едва ли у латинян, греков, евреев, халдеев, персов, италийцев, арабов или испанцев [можно заимствовать], заранее обзаведись другими [элементами] для других [целей] через то содействие, благодаря которому, как видишь, мы поспособствовали [нашему делу], заранее отметив [эти] три⁸⁰. Что же касается галлов (о германцах ведь, готах, скифах и прочих и так понятно), которые не по причине того, что им свойственно говорить неуклюже, но не знаю, для чего или по какому обычаю, для [обозначения] некоторых [языковых] различий, которые еще предстоит понять глубже, допускают некоторые непроезжимые буквы, — это не поспособствует твоему делу; ведь и без их добавления достаточно полного написания для того, чтобы иметь успех [в этом] деле. Поэтому [наличных букв] вполне достаточно тем людям, у которых совсем мало способностей, но которые пытаются несправедливо их приписывать себе в силу того, что они очевидно необразованны.

VI

О ЛЮБЫХ КОМБИНАЦИЯХ, КОТОРЫЕ МОЖНО СОСТАВИТЬ ИЗ ПЯТИ ЭЛЕМЕНТОВ

Относительно составления из пяти элементов мы не можем добавить ничего нового, кроме того, что мы говорили в предыдущем обзоре или, скажем яснее, мы находимся в нерешительности. Ведь невозможно, чтобы иначе, как прибавлением двух указанных [элементов] сходным образом, поскольку благодаря добавлению *S* и *T* сверх четвертого элемента или *LR* и *N* в середину пятого, чтобы [прибавлением к] комбинации *PLEBS*⁸¹ получилась первая комбинация *TRANSACTUM*⁸², а конечная комбинация *STUPRANS*⁸³.

VII

О ЛЮБЫХ КОМБИНАЦИЯХ ИЗ МНОГИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Относительно одного или двух частных и поэтому малоупотребительных, стоит ли нам вообще говорить, если они составлены из многих элементов? Они сами, поскольку никаких новых условий не добавляется, будут легко присоединяться к четырем или пяти наличным комбинациям. Действительно, я не знаю, есть ли такие, кроме одного *SCROPS*, запоминание которого, тем не менее, можно совершить через составленное из пяти [элементов] *SCROΨ* благодаря самому сходству произношения [обоих].

⁷⁹ Здесь говорится о присоединении к субъекту-субстанции чувственно-представляемых «адъектов»-акциденций.

⁸⁰ Имеется в виду группа из трех букв — латинских, греческих и еврейских.

⁸¹ Букв. «народ».

⁸² Букв. «завершенное».

⁸³ Букв. «оскверняющий». Совершенно неясно, как образуются эти комбинации.

VIII

Об [элементе] *U* ПОСЛЕ *Q*

И я не хочу обойти молчанием то, что необходимо отметить относительно внутренней записи (ведь можно располагать [элементы] не между тем, что необходимо для [нашей] цели, но только между тем, что полезно), — не нужно располагать в порядке *U* после *Q*, равно как и *Q* без *U*, поскольку только с *U* первое имеет силу. Ведь [они] никогда не используются отдельно, так что *QU* будет иметь силу, разумеется, не более чем одного элемента. Поэтому если встретятся элементы, которые нужно продать (*vendo*), имеет смысл написать: *Quinque, Quare, Quadrum, Quintum, Quatis*⁸⁴; где же необходимо приобрести (*emo*), не повредит написать: *Qinq, Qare, Qadrum, Qintum, Qatis*⁸⁵. — Таким образом те, которые привыкли пользоваться непроизносимыми буквами, поскольку это бесполезно для языка иностранцев, без ущерба для правильности и дела, могли бы больше помочь ученым своего отечества.

IX

К ВНУТРЕННЕЙ ОБЛАСТИ СУБЪЕКТОВ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ РАСШИРЕНА, И ЧИСЛУ ПРИЛАГАЕМЫХ, КОТОРОЕ ВЕСЬМА УСПЕШНО МОЖЕТ БЫТЬ ПРИУМНОЖЕНО

Поскольку тебе будет удобнее оперировать небольшим количеством прилагательных и ограниченным числом субъектов, я ничего не добавлю об умножении субъектов, за исключением того, что касается качества тех, которые необходимо приумножать. Рассмотрим, говорю, какие из субъектов крепче и продолжительнее обыкновенно удерживали прилагательные, и когда были исследованы прибавления и убавления, из которых они происходят, это через нами изложенное учение направишь, другие для себя установишь по их подобию.

Для приумножения же прилагательных даю тебе все возможности; ведь от них проистекает тот наблюдающий принцип, [который] ты сможешь широко применять в других занятиях; от соразмерных ведь мы можем обращаться к другим, которые могут быть сделаны соразмерными и могут быть использованы.

У тебя было в списке (*in numerum*) элементов 30 наиболее устойчивых прилагательных, которые могли тебе служить для сокращенной записи; теперь расширенный перечень помогает приумножать [их] до бесконечности (если есть необходимость) с целью добавления бесчисленных слов: поскольку было бы неудобно, если бы то же количество прилагательных, часто имеющих ту же форму, еще чаще повторялось, потому что для внутренней фиксации требуется такое разнообразие, которое вовсе не требуется для внешней, что достаточно очевидно для тех, кто совершенствуется в этой практике. Так что же? Подобно тому, как у тебя в списке был один Ликаон, Девкалион и т. д., теперь вообрази себе во втором списке второго Ликаона, Девкалиона и прочих, так что где у тебя было 30, теперь для употребления у тебя было бы 60. Если умножишь на три, будешь иметь 90, если умножишь на четыре — 120. Из них все, образ которых, как ты понял, больше всего воздействует на твое

⁸⁴ Букв. «пять», «почему», «четырёхугольное», «пятое», «потрясаешь».

⁸⁵ Т. е. без буквы *U*.

воображение, соедини в 30 корневых имен⁸⁶. Если же будет какое-то отличное от них собственное имя, то это ничему не препятствует. Ведь Филофей всегда будет отмечен особыми свойствами имени Девкалиона, если однажды будет добавлен в список или причислен к бросающим жернова. Хотя это открытие может быть и известно, ты можешь его лучше постичь через использование и применение к другим, чем через его внешний облик.

ВТОРАЯ ПРАКТИКА, КОТОРАЯ СОСТОИТ В ЛЮБЫХ СОСТАВЛЕНИЯХ ИЗ МНОГИХ КОМБИНАЦИЙ ЭЛЕМЕНТОВ И ПРОСТЫХ ТЕРМИНОВ

I

Практика действительно великая, к которой устремляется первая утвержденная практика, и которая в месте, в котором эта первая тебе предоставляла комбинацию элементов для объяснения законченных терминов (*terminus*), теперь дает составление комбинаций так, чтобы ты мог к числу субъектов (которые называются несоставными⁸⁷ и простыми терминами) добавлять и затем использовать (*accipio*) число совершенных прилагательных.

II

Ведь это происходит следующим образом. Как ты установил себе ранее для 30 элементов 30 действующих и действий, стоящих вокруг и памятных, стоящих рядом: так сейчас в надлежащем порядке можешь расположить 150, потому что возникает единственная присутствующих элементов через выведение содержащих пятерки пребывающих [элементов]. Итак, поскольку мы научили составлять из элементов, указав на соответствующие условия, понятно, как мы научили комбинаторному.

III

Благодаря тому, что мы назвали, были произведены известные имена для расширения [способности] изображения; чтобы [она] давала то максимальное разнообразие, которое необходимо для этого искусства, ты благодаря им приобретешь словно центурии под тенью и 30 знамен на флаге некоторые основные и известные имена, которые тебе должны быть даны. Теперь для наиболее обширного действия благодаря отдельным [элементам], которые должны быть даны из предложенных знамен, через пять пятерных из пребывающих элементов мы подчиним другие пять знамен.

IV

Следовательно, лучше, чтобы известные тебе [образы] относились к этому числу знамен так, чтобы единичные занимали то место, которое очевидно лучше согласовывается с ними. Ведь

⁸⁶ Опять же, здесь говорится о том, что есть некое корневое имя для запоминания, на которое может нанизываться определенное количество других имен.

⁸⁷ В издании Тугини отдельно: «in complexi», p. 122.

[образы] могут получать большое количество знамен, которые чаще могут быть полезны; среди [знамен] них есть те, которые довольствуются только одним или двумя воинами (*m. e. образами.* — Л. Т.). Следовательно, со всеми надлежит обращаться через равенство пропорций, а не через равенство по числу.

V

Итак, ты сам упорядочишь себе 150 имен, которые или благодаря собственному наименованию, или привычному действию, или собственному состоянию в соответствии с порядком, которым [или уже] упорядочены наличные [элементы], или [же] будут оформляться в надлежащем порядке пятью пребывающими [элементами]⁸⁸. Когда это сделано, для упорядочивания тех или других (если у тебя найдутся более подходящие) пребывающих частей и искусств (чтобы к ним примыкали через действия и искусства, которые могут быть обозначены) ты приведешь или имена тебе известные к тому, что следует, из порядка или области, или иначе чтобы тебе было удобнее — через расположение добавленных нами, и к другим, следующим находящимся в месту некоторых [элементов], пользуясь сведением к определенной последовательности: так, чтобы [образы] получали, соответствуя тем же или другим стоящим вокруг, эти или другие признаки и наличные [элементы].

VI

Итак, сделай по подобию трех ранее названных колес пять фиксированных колес, из которых отдельные 150 состоят из комбинаций двух элементов. Из них внешнее и первое [колесо] обозначало бы действующие под именем придуманных (*inventorum*), второе — действия, третье — признаки, четвертое — стоящие рядом, пятое — стоящие вокруг. Ведь эти *элементы* приводятся к соответствию с определенным числом, чтобы [благодаря колесам] не применялись бы в соответствии с одним частным [принципом, а] помогали бы в соответствии с другим универсальным принципом.

Поскольку тяжело свести пять колес к небольшому объему, мы прибавляем только одно [колесо], возможны [и] другие [колеса], сходно [с ним] не большие, а маленькие; поскольку 30 главнейших знамен упорядочиваются в окружность и подчиненные [им] пять единичных [знамен] упорядочиваются по степеням от единичных к центру.

⁸⁸ По-видимому, здесь Бруно говорит о том, что можно добавлять 150 элементов соответственно к пяти уже наличным [субъектам].

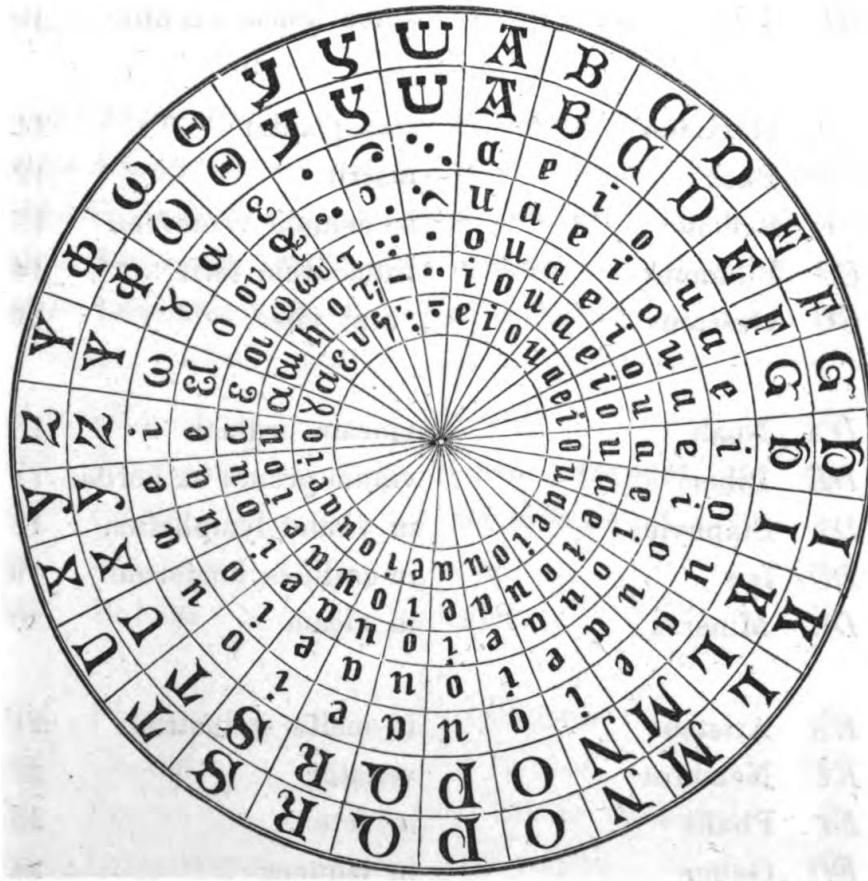

Рис. 5

AA	Регима	к хлебу из каштанов	1.
AE	Осирис	к земледелию	2.
AI	Церера	к упряжке из быков	3.
AO	Триподем	сеет	4.
AU	Питумн	удобряет навозом	5.
VA	Эрихтоний	к колеснице	6.
VE	Главк	распластывает железо	7.
VI	Фрак	к косе	8.
VO	Миса ⁸⁹	покрывает морем	9.

⁸⁹ Древнегреческая богиня орфиков, рассматривается как женская ипостась Диониса. Согласно А. А. Тахо-Годи, «Миса — божество малоазийского происхождения из круга Деметры и Диониса Евбулея. Судя по надписи, найденной вблизи Пергама и опубликованной еще в 1881 г., был воздвигнут алтарь Мисе Коре, что позволяет объединить Мису с Корой-Персефоной, дочерью Деметры» (прим. 530 к гимну 42 Мисе (фимиам манна)). (Источник: Античные гимны / Перев. с древнегреч., под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1988 / Перев. О. С. Смыки. С. 248) (греческие гимны 3 в. до н. э. — 2 в. н. э.):

XLII. МИСЕ (фимиам, стиракта) [530]

Я, Фесмофора, зову Диониса, носителя жезла,
 Семя известное всем, Евбулея об имени славном,
 С ним несказанную Мису зову, святую царицу.
 Муж и жена, двуприродный Иакх, разрешающий узы,

<i>BU</i>	Пирод	выбивает огонь из кремня	10.
<i>CA</i>	Хасамон	пересаживает	11.
<i>CE</i>	Фега	сеет	12.
<i>CI</i>	Белхайот	к несущему ослу	13.
<i>CO</i>	Пилумн	молотит зерно	14.
<i>CU</i>	Орест	заботится о виноградной лозе	15.
<i>DA</i>	Ной	устраивает виноградник	16.
<i>DE</i>	Либер	делает ячменное вино	17.
<i>DI</i>	Стафил	к текущему вину	18.
<i>DO</i>	Исида	устраивает сады	19.
<i>DU</i>	Минерва	к оливе	20.
<i>EA</i>	Аристей	к производству меда	21.
<i>EE</i>	Немврот	охотник	22.
<i>EI</i>	Фалла	к неводу	23.
<i>EO</i>	Гебур	к силкам	24.
<i>EU</i>	Рамесс	к рыболовному крючку	25.
<i>FA</i>	Регомер	к лестнице	26.
<i>FE</i>	Сарг	к корзинке	27.
<i>FI</i>	Данай	копает колодец	28.
<i>FO</i>	Доксий	строит из глины	29.
<i>FU</i>	Йобал	строит из древесины	30.
<i>GA</i>	Хусбал	к печи для обжига известняка	31.
<i>GE</i>	Циклоп	к башне	32.
<i>GI</i>	Феодор ⁹⁰	к ложу	33.
<i>GO</i>	Пердикс ⁹¹	на тмин	34.
<i>GU</i>	Тал ⁹²	в пилу	35.
<i>HA</i>	Феодот ⁹³	к бураву	36.

Тешишься ль ты в Элевсине, во храме своем благовонном,
С матерью ль таинства [531] правишь теперь во Фригийских пределах,
Нежишься ль ты с Кифереей прекрасновенчанной на Кипре
Или сверкаешь сейчас в полях огненосных, священных
Вместе с Исидой, что черное носит, преславной богиней,
10

Возле потока Египта средь няnek и прочих служанок [532].
Ныне гряди, благосклонно благие труды завершая!

Орфический гимн 42 Мисе (фимиам манна). (Источник: Античные гимны. Переводы с древнегреч. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1988 / Перевод О. С. Смьки. С. 248) (греческие гимны 3 в. до н. э. — 2 в. н. э.).
В современном греческом переводе офрийских гимнов — Миса — Ненависть.

⁹⁰ Возможно, имеется в виду один из двух Феодоров из Кирены — Феодор-математик или философ-киренаик (Феодор-атеист).

⁹¹ Племянник Дедала.

⁹² Талос, медный гигант.

⁹³ Известны два знаменитых Феодота — мученик Феодот и Феодот-иконоборец.

HE	Паруг	к молоту	37.
HI	Семеол	к виноградной давилъне	38.
HO	Сеусипп	к бочкам	39.
HU	Лусциний	к мотыге	40.
GA	Хороб	Гончар	41.
GE	Бархам	свивает шерсть	42.
GI	Клостер	ткет материю	43.
GO	Арахна ⁹⁴	прядет	44.
GU	Бозций	сапожник	45.
HA	Фригиец	чесальщик ⁹⁵	46.
HE	Каатар	к башмакам	47.
HI	Прокон	к синильнику из трав	48.
HO	Ликарнас	к клещам	49.
HU	Хар	к перчаткам ⁹⁶	50.

AA запутанное	1
AE ложное	2
AI темное ⁹⁷	3
AO бесформенное	4
AU опороченное ⁹⁸	5

⁹⁴ Согласно мифу, Арахна — ткачиха, вознамерившаяся состязаться в ткаческом искусстве с самой Афиной, в наказание была превращена той в паука.

⁹⁵ Фригийцы славились своим вышиванием золотыми нитями (см. статью Phrygio в словаре Lewis & Short Latin Dictionary).

⁹⁶ Далее под номерами 51–125 по тому же образцу идет перечень, в котором элементы обозначены буквами латинского алфавита, соответственно: от *I* до *Z* на первом месте, *A, E, I, O, U* последовательно в каждой пятерке на втором. Начиная со 126-го номера по 129-й первой идет греческая Ψ , а второй по-прежнему *A, E, I, O, U*. Со 131-го номера по 150-й нумерация снова повторяется, начиная с *AE* и заканчивая *DA*. Номер 130 отсутствует в оригинальном издании. В этой публикации мы не приводим перевод остатка перечня.

⁹⁷ В смысле «непонятное».

⁹⁸ Далее мы имеем по две колонки на странице, с элементами, расположенными по пятеркам, пронумерованными, соответственно, от 1 до 150. В этом списке находятся прилагательные или причастия, стоящие в среднем роде. Первые буквы в нумерации от 1 до 115 — в соответствии с латинским алфавитом — от *A* до *Z*, вторые по пятеркам — так же *A, E, I, O, U*. Начиная со 116-й до 150-й первой буквой все время идет латинская *A*, а второй соответственно и так же — *A, E, I, O, U*. После этого следуют так же два столбца с обозначением *строчными* латинскими буквами по пятеркам, обозначенные все одинаково: *aa, ae, ai, ao* и *au*, с 1-го по 150-й номер. Они содержат разнообразные существительные или словосочетания в именительном падеже, например: *aa* олива 1, *ae* лавр 2, *ai* мирт 3, *ao* розмарин 4, *au* кипарис 5. Не всегда можно проследить их группировку по смыслу, например: *aa* половина луны 31, *ae* молния 32, *ai* меч 33, *ao* топор 34, *au* стрела 35. Элементы списка с 56-го по 85-й номер имеют подзаголовок ПОДХОДЯЩИЕ ДЛЯ ШЕИ (COLLO ARTAVILIA.), с 86-го по 150-й — ПОДХОДЯЩИЕ ДЛЯ НОГ (AD PEDES ARTAVILIA.), так же содержащие существительные или словосочетания в именительном падеже. В этой публикации мы опускаем перевод элементов списков, начиная с номера 51 первого списка, за исключением пятерки, приведенной здесь для примера, которая находится в первом двухколоночном списке.

**Изображения образов
обозначений от Тевкра-вавилонянина, которые могут с большим удобством
привлекаться для применения в данном искусстве**

ОВЕН⁹⁹

Aa. Восходит в первом образе Овна черный человек огромного роста, с горящими глазами, страшный лицом, облаченный в белый плащ.

Ae. Во втором — женщина весьма привлекательная, одетая в белую тунику, а поверх в одежду, окрашенную в пурпур, с распущенными волосами и увенчанная лавром.

Ai. В третьем — бледный человек с рыжими волосами, одетый в красные одежды, на левой руке носящий золотой браслет и в правой руке имеющий дубовый посох, с беспокойным и гневным лицом, потому что желанные блага не может обрести или даровать¹⁰⁰.

ТЕЛЕЦ

Ao. В первом образе Тельца обнаженный пахарь, носящий бурую круглую шапку, сплетенную из соломы, за которым следует другой крестьянин, разбрасывающий семена.

Au. Во втором — обнаженный палиценосец в венке, на плече имеющий золотую перевязь, а в левой руке жезл.

Va. В третьем — муж, в левой руке имеющий змею, а в правой — дротик или стрелу, перед которым горшок с огнем и бутылка с водой.

БЛИЗНЕЦЫ

Ve. В первом образе Близнецов муж, готовый к услужению, имеющий ветвь в правой руке, с радостным и приятным ликом.

Vi. Во втором — человек, вскапывающий и обрабатывающий землю рядом с другим, который играет на флейте, танцующий с обнаженными ногами и непокрытой головой.

Vo. В третьем — шут, имеющий в правой руке свирель, а в левой — воробья, и рядом с ним гневный муж, держащий посох.

РАК

Vi. В первом образе Рака увенчанная дева, весьма хорошо одетая, держащая оливковую ветвь в правой руке и фиал в левой.

Ca. Во втором — муж вместе с женой, сидящие за столом и играющие, перед мужчиной находится разнообразное платье, перед женщиной — золотые и серебряные сосуды.

Se. В третьем — муж-охотник, впереди и позади которого собаки, имеющий рог и ядро, стремительно движущийся по кругу.

⁹⁹ Мы опускаем [изображения] знаков зодиака, которые присутствуют в оригинальном издании. — Тугини. Тугини здесь опускает художественные изображения знаков зодиака, приведенные в парижском издании.

¹⁰⁰ Эти списки из трех, в которых элементы обозначены от *Aa, Ae, Ai, Ao, Au, Va, Ve, Vi, Vo, Vu* и так далее соответственно, вплоть до *Ga, Ge, Gi, Go, Gu* и *Ha*, хотя и имеют сходные обозначения, судя по всему, не соотносятся со списками выше.

ЛЕВ

Ci. В первом образе Льва — рыжий муж, облаченный в шафрановые одежды, увенчанный золотом, в правой руке держащий петуха, верхом на льве.

Co. Во втором — гуляющая женщина с протянутыми к небу руками, и рядом с ней муж, словно готовый [ее] защищать, имеющий извлеченный меч и щит.

Cu. В третьем — имеющий суму или ремень, с грустным, непривлекательным ликом, обращенным вниз, за которым следует юноша, облаченный в белое.

ДЕВА

Da. В первом образе Девы — девушка, увенчанная цветами, и муж, усыпающий ей [путь] цветами и листьями, не подпоясанный и облаченный в зеленые одежды.

De. Во втором — человек черный, одетый в шкуру, несущий в руке мешочек для денег, с плащом, свисающим с головы.

Di. В третьем — старик, опирающийся на два посоха, с неопрятными волосами на лбу, с растрепанной бородой, облаченный в одеяния в черно-бурого цвета.

ВЕСЫ

Do. Первый образ Весов имеет человек со злобным лицом, смотрящий на книгу, держащий в правой руке кинжал или стиль.

Du. Второй — двое спорящих и разгневанных, пред лицом сидящего судьи, который протягивает им ветвь правой рукой, левая рука которого поднята вверх.

Ea. Третий — храбрый стрелец, за которым следует муж, несущий в руке хлеб и кубок вина, и которому предшествует полностью обнаженный муж.

СКОРПИОН

Ee. В первом образе Скорпиона восходит красивая женщина и весьма хорошо одетая, и два юноши полностью обнаженные, разгневанные друг на друга, которые ради нее истязают друг друга плетьюми.

Ei. Во втором — полностью обнаженная женщина и два полностью обнаженных мужа, из которых один стоит сбоку от женщины, а другой лежит на земле, играя с собакой.

Eo. В третьем — муж, подставляющий спину избивающей его женщине, который обеими руками держит себя за ноги.

СТРЕЛЕЦ

Eu. Первый образ Стрельца имеет полностью вооруженный муж, несущий в левой руке небольшой круглый щит, а в правой широченный меч, под поступью которого кажется, что сотрясается земля.

Fa. Второй — грустная женщина, облаченная в траурные одежды, несущая в руках одного мальчика и ведущая другого.

Fe. Третий — муж, лежащий на земле, беспорядочно потрясающий посохом, ликом бледный и грязный по виду; рядом с ним свинья, копающая горсти земли.

КОЗЕРОГ

Fi. Первый образ Козерога — муж по виду купец, с безобразным и грустным лицом, за которым следует танцующий юноша и хлопающий в ладоши.

Fo. Второй — муж, бросающий дротики в летящую голубку, и две женщины, обнимающие одного мужчину.

Fu. Третий — дева, облаченная в белое, попирающая ногами лису и внимательно читающая книгу.

ВОДОЛЕЙ

Ga. Первый образ Водолея имеют отец семейства и матрона, стоящие в позе размышляющих, он держит в руке камешки для голосования, а она прялку.

Ge. Второй — муж по виду советник, держащий в руке памятные листки, с подбородка которого свисает длинная борода, это человек, кажется, имеет суровое лицо.

Gi. Третий — разгневанный юноша, лицо которого охвачено гневом, который словно атакует руками с быстро движущимися пальцами.

РЫБЫ

Go. В первом образе Рыб — фигура человека, переносящего свое добро, ища новое обиталище, за которым следует женщина, несущая треножник и жердь.

Gu. Во втором — муж, словно готовый к делу, с подобранной одеждой и обнаживший руки, демонстрирующий подвижность тела и радость на лице.

Ha. В третьем — молодой юноша, пылающий любовью и обнимающий девушку, и перед ними — две борющиеся юношеские птицы¹⁰¹.

ВНЕШНИЙ ВИД И ДЕЙСТВИЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННЫХ ОБРАЗОВ, ПУСТЬ И НЕ СПОСОБСТВУЮЩИЕ ИСКУССТВУ ПАМЯТИ, ОДНАКО НАПОЛНЯЮЩИЕ СМЫСЛОМ ЭТИ ОБРАЗЫ

I. Первый образ Овна — дерзкий, бесстыдный и сильный в [способности] воображения.

Второй — гордый, честолюбивый и благородный душой.

Третий — мятежный и словно потерявший надежду, с пронизательными способностями, ожидающий радости.

II. Первый образ Тельца — покровительствующий геометрическим началам, делам и действиям.

Второй — сильный и славный у многих народов.

Третий — недостойный, жалкий и рабский.

III. Первый [образ] Близнецов — искушенный в математических и прочих способностях, в которых нет никакой пользы.

Второй — бесстыдный, обманчивый и лишенный всякого плода трудолюбивого усердия.

Третий — безумный, беспамятный и полный пустой болтовни.

¹⁰¹ Павлины.

IV. Первый [образ] Рака — утонченный в созерцании, неусыпных способностях и обращенному к любви желанию.

Второй — умеренный в способностях, [но] имеющий большой успех.

Третий — много торгующий и мало одаривающий по причине больших препятствий.

V. Первый [образ] Льва — яростный, полный сил, жестокий и неумолимый.

Второй — скорый на пролитие крови, склонный к предательству и недоверию.

Третий — союзник и друг, который предпочитает скорее погубить, чем овладеть в ходе судебной тяжбы.

VI. Первый [образ] Девы — приумножающий богатства, однако только допустимыми средствами.

Второй — жадный и весьма сильно желающий приумножить имущество.

Третий — обессиливающий, ослабляющий, разделяющий и истощающий.

VII. Первый [образ] Весов — справедливый, избавляющий бедных из рук сильных и жестоких.

Второй — не терпящий несправедливости и усмиритель мятежей.

Третий — носящий, прелюбодей и истребляющий.

VIII. Первый [образ] Скорпиона — прекрасный и чарующий, изменник и нечестивец.

Второй — равно неверный и бесчестный.

Третий — неприкрытый в гневе, негодовании и насилии.

IX. Первый [образ] Стрельца — дерзкий, неистовый и отвергающий все связывающие законы.

Второй — из страха принимающий в себя скорбь и рождающий покорность.

Третий — с обросшими волосами, сварливый и ненавидящий мир (*в смысле отсутствия войны.* — Л. Т.).

X. Первый [образ] Козерога — расточает имущество в роскоши.

Второй — ищет невозможного.

Третий — страстно стремится к умножению имущества, но безрассуден.

XI. Первый [образ] Водолея — размышляет о прибыли и трудится ради нее, потому что подавлен бедностью и отсутствием денег.

Второй — силен в познании и рассудительности.

Третий — слишком бесстыден и имеет слишком много предубеждений.

XII. Первый [образ] Рыб — волнующийся о своих пожитках бедняк.

Второй — напряженно занимающийся многими и обширными делами.

Третий — прозябает в праздности и роскошестве.

Пусть это будет приведено не для применения образов, но поскольку они представлены в некоем чувственном виде, будет полезно для их форм и качеств.

ДАЛЕЕ СЛЕДУЮТ СЕМЬ ОБРАЗОВ САТУРНА ИЗ ФИЛОСОФИИ ЕГИПТЯН И ПЕРСОВ, КОТОРЫЕ ТАКЖЕ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫ ДЛЯ ЛОКУСОВ И СУБЪЕКТОВ¹⁰².

28 ОБРАЗОВ МЕСТОПРЕБЫВАНИЙ ЛУНЫ, ПРИВЛЕЧЕННЫЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ИСКУССТВЕ¹⁰³.

Рис. 6

¹⁰² Далее идут списки образов 1) Сатурна, 2) Юпитера, 3) Марса, 4) Солнца, 5) Венеры, 6) Меркурия, 7) Луны, т. е. семи планет, признанных древней астрологической наукой, состоящие из семи элементов каждый, сквозное обозначение которых продолжает список элементов в перечне знаков зодиака, начиная с *He* и заканчивая *Ru* соответственно. Затем идет «Образ Дракона Луны» (возможно, имеется в виду созвездие Дракона в северном полушарии, расположенное между Большой и Малой Медведицами (его другие латинские названия — *Serpens* и *Anguis* (змея)), состоящий из одного элемента *Sa*. Для примера приведем элемент *He* из списка образов планет: «Первый образ Сатурна — человек с ликом оленя, сидящий на драконе, имеющий филина в правой руке, проглатывающего змею».

¹⁰³ Эти образы продолжают сквозную нумерацию от *Se* до *Yo* по установленному порядку. Далее следуют 36 элементов образов «домов» (*domus*), не имеющие подзаголовка и расположенные по тройкам (три образа на каждый из 12 домов). Нумерация у них следующая: первый образ первого дома обозначен *Zu*, далее элементы обозначены по пятеркам: *Aa*, *Ae*, *Ai*, *Ao*, *Au*, после чего обозначения повторяются в таком же порядке вплоть до конца перечня, т. е. последний элемент обозначен *Au*. Все вышеперечисленные элементы этих списков структурно (и, по-видимому, функционально) сходны с элементами знаков зодиака выше и, в силу своей возможной метафоричности, которая нам остается неясной (или, скорее, нацеленности на чувственное представление конкретных элементов, служащих непосредственному применению в искусстве памяти), не добавляют нам понимания трактата Бруно. Поэтому в этой публикации мы их не приводим.

БОЛЬШОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННЫХ ОБРАЗОВ
К ЗАПОМИНАНИЮ ВЕЩЕЙ

Из ранее указанных ты сможешь приобрести огромную пользу и несравненное удобство.

I. Пусть формы будут вечно связаны с вечными субъектами.

II. Субъекты пусть сообщают порядок [формам] или получают порядок от них самих. Это приносит пользу запоминанию этих форм.

III. Потому что, если ты хочешь обратить прилагаемые назад к перечню и последовательности субъектов, что может тебе воспрепятствовать?

IV. Итак, составь в последовательность части самой вещи, которую нужно запомнить, живыми образами и запоминающимися действиями и обстоятельствами, [в которых они находятся], чтобы все отдельные [части] через согласующиеся с ними действия, претерпевания, изменения, расположение, то или другое состояние, словно они действуют или над которыми и по отношению к которым производятся действия, могли бы описывать один за другим отдельные части сюжета, который необходимо запомнить. Относительно них не оставляй без внимания то, что ты должен выбирать не абстрактные, но словно зафиксированные способностью воображения образы. Ведь в другом месте мы показываем, каким образом нам следует захватывать те, которые, больше воздействуя на внешнее чувство, сильнее проникают во внутреннее.

ОТНОСИТЕЛЬНО КОМБИНАЦИЙ, В КОТОРЫХ ПРЕБЫВАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
ПРЕДВАРЯЕТ ДОБАВЛЯЮЩИЙСЯ ЭЛЕМЕНТ

Поскольку эти [элементы] расположены так с целью множества бесконечных комбинаций, которые могут быть составлены из элементов, ты уже не сможешь добавить новые последовательности начальных комбинаций. Ведь поскольку у тебя здесь есть 150 простых комбинаций, в которых добавляющийся, или расположенный сообразно добавляющемуся элемент предшествует пребывающему элементу, так весьма легко у тебя получается 150 других, среди которых добавляющийся элемент, или расположенный сообразно добавляющемуся, следует за пребывающим элементом или расположенным сообразно пребывающему. Итак, благодаря разнообразию прямого или кривого, одетого или обнаженного, обращенного туда или сюда, сидящего или стоящего, или того, что может быть весьма по-разному таким или иным, сам сможешь пользоваться этим [приемом]. [Так, например,] будучи сидящим, Хорреб-гончар обозначает AM^{104} , в то время как стоящий обозначал MA .

¹⁰⁴ В таблице выше Хорреб-гончар был обозначен AM , что говорит о том, что элементы в искусстве памяти могут взаимно преставляться, составляя бесчисленные комбинации.

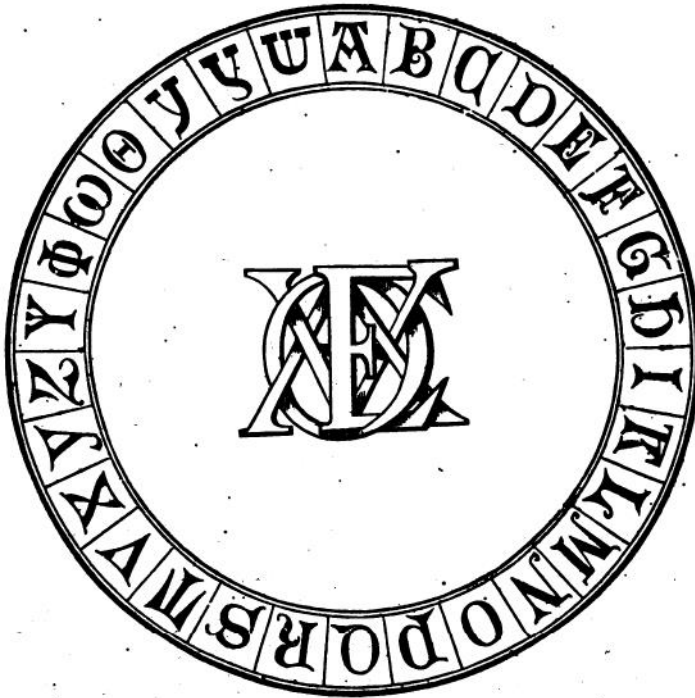

Рис. 7

К ЭЛЕМЕНТАМ, ИСЧЕЗАЮЩИМ И ОГРАНИЧИВАЮЩИМ ПОСЕРЕДИНЕ ПРОСТЫХ КОМБИНАЦИЙ И ПОЗАДИ НИХ

Ведь относительно находящихся посередине и прибавляющихся, или пропадающих и приходящих элементов, относящихся к отдельным [элементам] из пяти комбинаций благодаря твоим, о друг, занятиям сможешь заранее подготовиться; ведь мы открыли тебе весьма просторный путь, в ходе которого научили образовывать комбинации, увеличивающиеся до любого количества в соответствии с количеством пятерных элементов.

Итак, ты придашь действующему 11 различий, которые обозначаются конечными элементами: *C. G. L. M. N. P. N. S. N. T. R.*, и три различия, благодаря которым обнаруживаются некие исчезающие опосредующие элементы *L. N. R.* Первые, если угодно, будут впереди него (*действующего. — Л. Т.*), вторые сзади или наоборот.

Равным образом прибавишь 11 различий действий для обозначения конечных [элементов] и три для срединных; из которых первые, если угодно, будут в субъектной материи для действия, вторые — в руках или ладонях действующего. Равным образом будешь различать 12 и три в стоящем вокруг. В стоящем рядом же сможешь пользоваться теми же самыми различиями, которыми пользуешься в действующем, если они одного рода. Итак, мы настолько хорошо прояснили это, чтобы ты видел, что награда в высшей степени соответствует твоему старанию.

О ДВУХ ВЫДАЮЩИХСЯ ОТКРЫТИЯХ ЭТОГО ИСКУССТВА
И ЕГО ВОСХВАЛЕНИЕ

Итак, в этом искусстве мы совершили и представили на публичный суд два открытия, оба из которых казались невозможными всем нашим предшественникам: первое — в первой практике — как присваивать единственному субъекту какую угодно комбинацию, которую требуется представить: второе — во второй практике (это открытие почти чудесное и чреватое другими открытиями, если только кто-то сможет научиться его применять) — как мы можем с удобством добавлять к единственному и отдельному субъекту этого искусства какие угодно термины, которые необходимо добавить. Итак, наше открытие позволяет совершать длительную внутреннюю запись быстрее и удобнее, а также способствовать скорейшему поспеванию плодов практики. Ведь где [прежде лишь] блябли буквы, которые нужно было связывать в слоги, прежде чем они позднее придут к более совершенным действиям, мы уже без промедления наставляем, как собирать термины в речь. Итак, теперь, чтобы тот, кому надо научиться благодаря этому искусству первой или второй практики, смог иметь мой каталог, сможет соотнести прочитанное и услышанное прибавляя [его] к упорядоченным субъектам. Применяя это, он сможет наилегчайшим образом представлять все. Поэтому такое искусство уничтожает все [другие искусства] этого рода, которые ему предшествовали, и не боится после быть уничтоженным другим искусством. Мы верим, что само дело привело к кульминации, ведь там, где другие [ученые мужи] обращали взор к элементам, которые необходимо было ухватить или, скорее, выловить, мы [их] изложили через термины для осуществления речи или говорения¹⁰⁵.

О ПРАКТИКЕ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ МОГУТ ОБОЗНАЧАТЬСЯ
НЕСОСТАВНЫМИ¹⁰⁶ ТЕРМИНАМИ

Теперь приступим к практике, которая занимается памятью вещей. Среди них есть те, которые обозначаются несвязанно, некоторые же со связью. Среди тех, которые постигаются в связи, одни являются субстанциями, другие акциденциями. Из субстанций одни являются чувственными, а другие умопостижимыми. Из чувственных одни чувственные сами по себе, другие же через акциденцию. Из акциденций одни свойственны субстанции, как внутренне присущее количество и качество, другие же тесно связаны с субстанцией, как, [например], внешние качества, например, цвета и фигуры.

Одни [из них] некоторым образом присущи, а другим образом привходящи, как внешний вид, из них одни берутся от того, что есть, другие — от того, что говорится. Некоторые субстанции пребывают, как те, которые действуют с претерпевающими, и [как] претерпевающие с действующими. Некоторые субстанции окружают, из которых одни окружают, как те, которые стоят рядом с субстанцией, как, например, расположение, другие

¹⁰⁵ Здесь Бруно имеет в виду, что если его предшественники пытались лишь научиться закреплять в памяти отдельные элементы, которые необходимо было запомнить, то он представил искусство памяти, благодаря которому можно представить множество элементов, подлежащих запоминанию, теперь связанных посредством своего рода рассказа или нарратива. Необходимое для запоминания теперь предстает не в форме отдельных, несвязанных «элементов», но в форме связанных, называемых поэтому «терминами» (потому что они граничат, или сочетаются, друг с другом).

¹⁰⁶ Incomplexi.

же окружают, как те, субстанции, которые стоят рядом, например, те, о которых говорят, что они находятся вовне, из которых одни приложены благодаря ним самим к тому субъекту, который может быть объектом приложения, поэтому говорят, что он окольцован, защищен поножами, одет, женат, другие [же] присоединены, как дом, земельный участок, женщина¹⁰⁷. Некоторые некоторым одним образом находятся внутри и каким-то образом окружают самого субъекта. Единственное из всех и общее может быть либо вне и сверху вещи, либо в вещи, как например, неотъемлемое от единичных; что истинно как относительно времени, так и относительно места. Ведь одно время субъективно существует для неба, и множественное — субъективно для тех отдельных, которые называются временными. Место же, если говорить как философы-логики, есть окружающая плоскость непрерывного, если же говорить, как говорят обычно, — непрерывное тело, окружающее [вещь] вплотную, если же говорить, как говорят физики, то [место — это] пространство и протяженность спокойной материи и входящее во все измерения, и само уже находится в вещи или вместе с вещью, что очевидно для того, кто занимается этим вопросом.

Чтобы можно было припоминать все перечисленные [объекты], необходимо, чтобы им предшествовало воображение. Так, несоставные умопостигаемые субстанции оформляются посредством формы чувственных субстанций — как происходило в случае с колесами и огнями Иезекииля¹⁰⁸ — несоставные чувственные субстанции получают форму через их акциденции — как происходит при правильном расположении частей тела человека, и разнообразным обращением тяжелых к земле — акцидентально чувственные через те, которые сами по себе являются объектами чувств; акциденции, которые находятся внутри, — через те, в которых они находятся, чтобы такое количество [оформлялось] через то, что допускает такое протяженное или дискретное количество, а такое качество через то, в котором оно собственно присутствует; так субстанция через те акциденции, которые представляются ей подчиненными; акциденции, которые укоренены, — через те [субстанции], в которых они укоренены, так и те укореняющиеся через те, в которых они укоренены, акциденции, которые находятся, — через те, рядом с которыми они соответственно находятся; акциденции, которые сосуществуют, — через те, вместе с которыми они изменчиво сосуществуют. Окружающие акциденции, когда самими себя не могут оформлять, оформляются через те, которых они окружают или которыми они, как считается, окружают. Даже могут, если будут оформлены, взаимно привлекать [к себе] чувства тех (*eorum*), через которые они оформляются. Итак, следовательно, благодаря оформленной силе тех, которые требовались для полагания субъекта или прилагаемого (*subjectio et adjectio*), если она является универсальной, пребывающие и те, которые могут припоминаться, возвращаются в чертог внутреннего чувства.

¹⁰⁷ Здесь Бруно вводит различие между субстанциями, которые могут непосредственно прилагаться к субъекту (как поножи в примере), и теми, которые лишь находятся рядом с ним — как дом или женщина.

¹⁰⁸ См. Ветхий Завет, Книга пророка Иезекииля, 1, 1–28. В книге описывается видение пророка Иезекииля, которому явилась божественная колесница на четырех колесах в огне, пламени и молниях. Здесь Бруно имеет в виду, что умопостигаемое (Бог) явилось пророку в чувственной форме (колесница).

О ПРАКТИКЕ ВЕЩЕЙ, ПОСТИГАЕМЫХ СОСТАВНЫМИ¹⁰⁹ ТЕРМИНАМИ

Таким же образом соединение в уме и в голосе происходит тогда, когда через сочетание субстанциального сочетаются одно несоставное с другим несоставным, или одно от другого отделяется: так в начертании, которое за такими сочетаниями следует и [их] обозначает, возникает сначала сочетание из несоставных, когда субстанция сочетается с субстанцией, субстанция с субстанцией связывается, или акциденция к акциденции прикладывается, не появляющееся с тем, кому оно не показывается, появляющееся с тем, кому оно показывается, и окружающее соединяется с тем, которые оно окружает. Ведь то соединение сначала соединяется в образы определений, которые должны быть оформлены, фигуры, а также знаки, универсально обозначенные (я не упоминаю, что с другой целью мы перечисляем определения, [когда говорим] о несоставных; без сочетания же их нельзя постичь в начертании, [и] здесь, не пользуясь простыми терминами, их нельзя представить). Во-вторых, в высказываниях, которые должны быть оформлены или сформированы, что происходит, когда один термин или многие из одного или от одного, или из многих или от многих получает именование. В-третьих, в обсуждениях, которые должны быть упорядочены, когда соединение происходит из соединенных как из собственных членов, когда составные соединяются в последующее соединение — так как, во-первых, как говорят натурфилософы (*physici*), форма добавляется к материи, составляя простое тело, — затем простое тело в составление несовершенного смешанного, одновременно отсюда все простые [в творение] совершенного сухожилия, отсюда в творение совершенной кости, отсюда в творение совершенной плоти, которые называются гомогенными частями, все эти части соединяются в *этот* или *тот* гетерогенный член, который должен быть сформирован, например, в голову и руки, наконец, все члены соединяются в одно одушевленное тело, которое должно быть сотворено. Именно так происходит в случае форм и прилагаемых: после простого оформления к первому, от него ко второму, от этого к третьему [оформлению], и отсюда мы переходим к другим соединениям, которые должны быть составлены для того, чтобы субъекты могли вмещать [прилагаемые].

Если такое полное соединение не сможет охватить один субъект, нужно сделать первое соединение субъекта с [другим] субъектом, или соединение [одних] субъектов с [другими] субъектами, чтобы произошло соединение с теми, которые прикладываются. Так, когда благодаря примыканию [одни] корабли будут соединены [другими] кораблями в образ (*forma*) моста, ты сможешь перейти Геллеспонт¹¹⁰, не замочив ноги¹¹¹

КРАТКОЕ И НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЕ ЗАТРУДНЕНИЙ ИСКУССТВО, [ПОСВЯЩЕННОЕ] ТОМУ ЖЕ ХРИСТИАННЕЙШЕМУ КОРОЛЮ ГАЛЛОВ

¹⁰⁹ *Complexi*.

¹¹⁰ Пролив, ныне называемый Дарданеллами.

¹¹¹ Здесь говорится о том, что если запоминаемый субъект слишком велик, чтобы составить его из ограниченного количества элементов, следует присоединить его к другому субъекту, чтобы вместе они составили одну форму, которая будет образом того, что необходимо запомнить.

ДЖ. БРУНО НОЛАНЦА ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЕ И НАГЛЯДНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ¹¹²

Урания¹¹³ богодухновенного певца ведет в высоко стоящие храмы,
Где разгонит тучи его ума.
Указывает рукой на все отдельные протяженные
В порядке, в котором они расположены по оплодотворенному кругу.
Житель Левкадии¹¹⁴ сидит на царстве и печальный¹¹⁵, влачащий старость
Предпочитает такое царство отцу¹¹⁶.
И могучий Марс похищает их отсюда и охраняет похищенных;
Здесь золотой Титан их делает долгоживущими.
Здесь чарующая Венера благодарному это многочисленное передает с любовью.
Здесь среди вышних богов [находится] судья мира и войны.
Здесь переменчивая ликом и взором Люцина¹¹⁷ беснуется в крике,
Закат свой увидят взошедшие¹¹⁸ и возросшие:
В порядке [находятся] чертоги неба, поскольку они были познаны,
В двенадцатикратные¹¹⁹ пусть они (*взошедшие и возросшие*. — Л. Т.) теперь входят
в дома.
Ты войдешь, старик, в различные места,
Обессилев: проникнув в разные письма,
Покорный божеству, ему следуй! Следуй, о шествующий в бой!¹²⁰
Сминтейское божество¹²¹, Книдская [Афродита], рожденная морем,
Следуй за внуками Атланта, о Килленский отпрыск¹²² [Меркурий]!
И не медли, о Делоска¹²³, сильная на небе и в Эребе¹²⁴!

НЕКОТОРОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ИНОСКАЗАНИЯ

Здесь, о светлейший король, историки без особого труда смогут благодаря тому, запоминание чего они исследуют, расположенному в надлежащем порядке (как они распределены по томам, книгам и главам), вывести их через передние залы, как будто бы они

¹¹² Здесь в качестве примера приведена последовательность субъектов, к которым можно соответственно привязать любую информацию, подлежащую запоминанию.

¹¹³ Урания — муза астрономии.

¹¹⁴ Остров в Ионийском море у западного побережья Акарнании.

¹¹⁵ Сообщается, что «печальная Левкадия» имела обычай ежегодно сбрасывать одного преступника со скалы (см. статью *Leucadia* в словаре *Lewis & Short Latin Dictionary*, где он ссылается, в частности, на «Фасты» Овидия 5, 630).

¹¹⁶ Возможно, имеется в виду Аполлон, храм которого находился на Левкадии.

¹¹⁷ По-видимому, имеется в виду не Люцина, богиня деторождения, а Люцина — богиня страшных снов, одна из форм Гекаты.

¹¹⁸ *Orta* — от гл. *orior*, который также означает «восходить», например, о солнце.

¹¹⁹ Здесь, очевидно, имеются в виду 12 домов, перечисленные в списке после семи образов Сатурна (см. выше).

¹²⁰ *Gradivus* — эпитет Марса.

¹²¹ Аполлон.

¹²² Согласно мифу, Меркурий родился и был воспитан на горе Киллене в Аркадии.

¹²³ Диана. Согласно мифу, Латона родила Аполлона и Диану на острове Делос.

¹²⁴ Подземный мир, царство теней.

выходили из своих домов: в которых, через различные трудности жизни и свершений, через известный короткий промежуток времени будут расположены перед взором в порядке, который необходимо постичь.

Для священной истории, славнейшей среди всех прочих, следует установить определенный общий дом для Адама, Авеля, Хама, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея и для других конкретных вместилищ единичных [элементов]. Затем все, в порядке следующие по тому же пути, или разные по разным, выводимые через передний зал или один и общий для всех, или через многие для отдельных, в порядке истории субъектов смогут придерживаться порядка универсальных акциденций.

Так, ораторы смогут расположить части речей под их же членами, юристы под книгами — правовые основания, под правовыми основаниями — законы, под законами — статьи, а под ними — смысл каждой строки; врачи под книгами, разделами, и так далее — главы, части глав, все определения с их значениями смогут расположить не менее упорядоченно, чем в самих книгах¹²⁵.

Ровно таким же образом для всех других [мастеров] (больше, чем могут представить игнорирующие это предложенное усердие) будет легко применить [это искусство] к специфике каждой профессии.

Для этого искусства через изображение имеешь следующую плодоносную фигуру, которая может быть применена для бесчисленного множества целей; на нем изображена лестница, состоящая из изображений семи скитальцев. Это [изображение], покоящееся на основе вокруг центра сферы или подвижное на плоскости вокруг центра круга, может быть представлено различными способами через различные круги и их доли.

¹²⁵ Здесь Бруно имеет в виду, что используя различные субъекты (обозначаемые, например, как Адам, Авель и так далее), расположенные в определенном порядке, можно осуществлять запоминание многообразной информации, относящейся к разным наукам и сферам деятельности, привязав ее к соответствующим «реперным точкам».

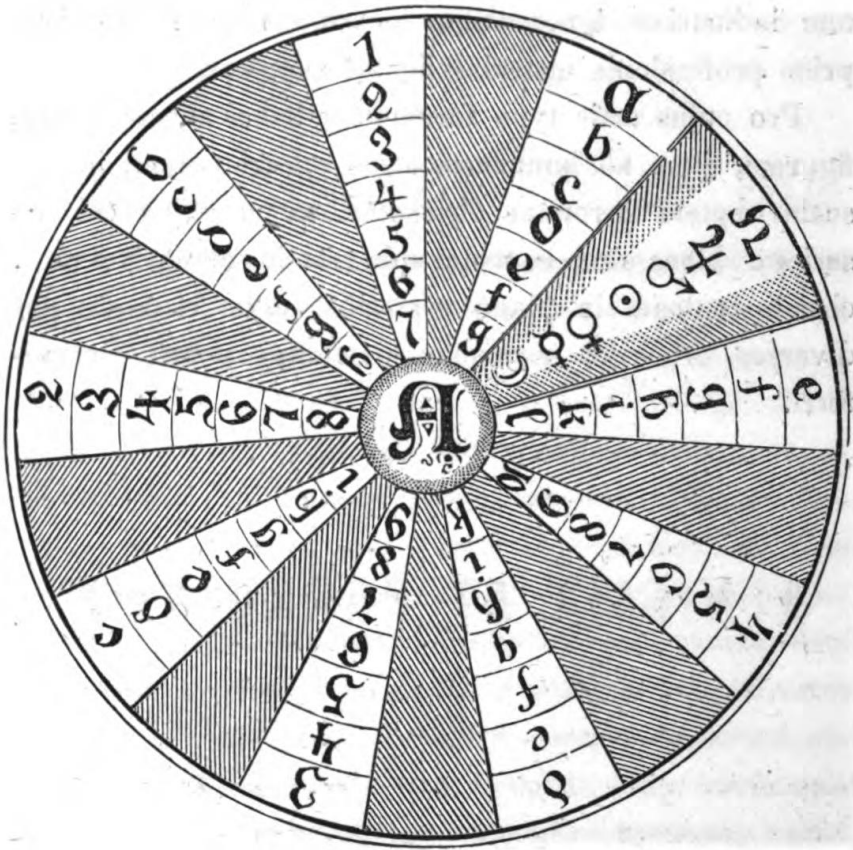

Рис. 8

ДЖОРДАНО БРУНО НОЛАНЦА

ДРУГОЕ КРАТКОЕ ИСКУССТВО ДЛЯ ВЕЩЕЙ
РАЗЛИЧНОГО ПОРЯДКА, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ПОСТАВИТЬ
В НАДЛЕЖАЩИЙ ПОРЯДОК И КРЕПКО УДЕРЖИВАТЬ,
ЧТО С ТРУДОМ МОГУТ ПРЕДЛОЖИТЬ ДРУГИЕ ИСКУССТВА

ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЕ И НАГЛЯДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Дж. Бр. Нол.

Блуждающий ум да не отступит от ясного света,
И чувство, спешащее за тем, к чему стремится, да не низвергнется.
И чтобы глубокая бегущая волна, стремящаяся к пылающей жажде,
Не обманула тебя, отправившегося в Тартар:
Познай, могучая Цирцея, семь влаг, [устремляющихся] в твои чертоги,
Каждая из них и каждый вид войдут в свой род,
Перенеси эти оскверненные на поле древнего родителя,
Путь у них родится Юпитер вместе с Ганимедом.
И грозный пылающими светилами твердо стоящий Марс
Пусть созерцает этот сад свирепого Вулкана¹²⁶.

¹²⁶ В тексте Mulciber — букв. «размягчитель металлов», эпитет Вулкана.

Да обретешь ярчайший светильник обширного мира,
Чтобы в нем созерцать свою многоликую битву.
Благоухающая Венера, тем, чем всех живущих связываешь,
О богиня, захвати в укромном месте.
Пусть тебе будет поверена тайна, и объяви божество.
Поверьте женщина женскому, мужчина мужскому:
Искусная делоска¹²⁷, соедини разделенных
Оградами подруг своих. Разве они боятся твоих даров?

Это искусство самим пением весьма хорошо себя демонстрирует, в особенности тем, кто достиг понимания вращения колес. Где предводитель войска хотел бы отнести к собственным порядкам центурионов, известных по их собственному или замещающему образу, должен их увидеть внутренним взором воображения, [расположив] под различными соответствующими действиями, или претерпеваниями, или обстоятельствами в местах, умноженных сообразно числу порядков. Здесь врачевательница Цирцея благодаря весьма быстрой и легкой практике имеет качества и степень качеств всех простых [вещей], написанных и зафиксированных для припоминания. Благодаря этому грамматик сможет за один день научить ученика удерживать [в памяти] родá всех имен (нечто, что может рассудком обозначаться в подлинном значении через имя). И прими во внимание, что говорим, что обозначается в подлинном значении, потому что есть мнение, что одна и та же вещь [может] обозначаться в одном и том же выражении (*idioma*) многими и различными именами, которые, будучи отнесены к различными родам¹²⁸, обозначаются в качестве отдельных. Разумеется, это мнение мы уже давно не разделяем: ведь сам никогда не знаю, насколько различные выражения сами имеют, так скажу, различные значения, как не вполне одно и то же мы постигаем, [говоря] «туника», «одежда» и «облачение». Итак, если отвергнуть синонимию, как в этом, так и в других подобных занятиях у нас не будет совершенно никаких затруднений. Поэтому астролог 48 образов неба, к четырем частям неба в соответствии с местами, расположениями и областями самых отдаленных (мы имеем в виду звезды, созерцаемые сообразно с их величиной), отнесенных к четырем чертогам, сможет созерцать как расставленные в том же порядке. И поэтому все другие науки, искусства и занятия, упорядоченные или те, которые нужно упорядочить, смогут быть отнесены к собственным декадам, центуриям или мириадам¹²⁹.

Это искусство, материально представленное, ты видишь на следующей схеме двенадцати домов.

¹²⁷ Диана.

¹²⁸ Имеется в виду род в философском (логическом) смысле.

¹²⁹ Т. е. быть упорядоченным по десяткам, сотням и тысячам элементов.

Рис. 9

**ДЖОРДАНО БРУНО НОЛАНЦА
ДРУГОЕ КРАТКОЕ ИСКУССТВО
ДЛЯ ПАМЯТИ СЛОВ И ВЕЩЕЙ**

**ИНОСКАЗАНИЕ, СООБЩАЮЩЕЕ О В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИСКУСНОМ
ВЫБОРЕ СУБЪЕКТОВ И ФОРМ, СЛУЖАЩИХ ИСКУССТВУ**

Неподвижный двигатель всегда одним и тем же импульсом
Сообщает движение, пребывая в вечном покое.
Так что, как познаем, у вращающегося
Круговорота один центр, и он никогда не сможет остановить [это движение].
И поэтому, хотя ось покоится, колесо крутится в движении
И не проходит путь, двигаясь прямо:
Мудрая природа не изменит положение дел,
Поскольку всегда действуют оба принципа.
Протей в огромном карпатосском водовороте¹³⁰ Нептуна¹³¹,

¹³⁰ Карпатосский водоворот — Эгейское море. Протей называется «мастером (vates) карпатосского водоворота» за свою способность принимать бесчисленные формы.

Несомый на двуногих конях, презренных животных¹³²,
Остается тем же, хотя приобретает бесчисленные формы,
И среди великих божеств моря остается вечным.
Поэтому именно так всем, чем управляет природа,
Руководит неизменная Монада, находящаяся в его основе.
И ты видишь, что она находится в основе,
И не можешь отрицать, что все действия происходят от нее,
Потому что она помогает им всем.
И вмени Анаксагору хаос: пусть атомы имеют своего родоначальника —
Демокрита, а материя своего Платона.
О семенах, которые приобретает, сберегает, лелеет, распределяет, содержит в себе,
Имеет попечение мать, чтобы отец в высшей степени благообразно
Ей помогал [их] выстроить в вереницу микрокосмов¹³³,
Которые заключены в величайшем круге.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИСКУССТВА

В неодушевленных субъектах есть одушевленные субъекты, которые закреплены, чтобы не переходили с места на место.

У неодушевленных субъектов есть пять локальных (localis) различий, благодаря которым немые одушевленные издают звук.

У каждого одушевленного субъекта есть 24 органа или 30 видов, благодаря которым по направлению к названным пяти локальным различиям сообразно с нехваткой или по необходимости [он] может выражать то, что нужно.

Тебе будет достаточно того, чтобы каждый отдельный [субъект] издавал один звук. Разумеется, мы знаем по опыту, что целесообразнее и рациональнее для удержания приложенного оперировать многими субъектами смело, а не немногими нерешительно и со страхом.

Пусть у тебя будет четыре инструмента [для] родов: первые же, благодаря которым соответственно вправо и влево, вторые — которыми вверх, третьи — через которые вниз, четвертые — благодаря которым разумное животное сообщит вниманию то, что необходимо¹³⁴.

Итак, я считаю, что будет удобно и более эффективно, чтобы все сложные единичные [субъекты] имели бы вечный инструмент для пяти названных различий, который изменялся бы в соответствии с добавлением новых видов.

¹³¹ Т. е. моря.

¹³² Почти дословная цитата из «Георгик» Вергилия: 4, 389: «Est in Carpathio Neptuni gurgite vates, caeruleus Proteus, magnum qui piscibus aequor et iuncto bipedum curru metitur equorum». В переводе С. В. Шервинского: «В бездне морской у Карпафа живет тайновидец Нептунов, / Это — лазурный Протей; на двуногих конях, в колеснице, / Или на рыбах несясь, просторы он меряет моря». *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида* / Перев. с латинского С. В. Шервинского; комментарий Н. А. Старостиной. М.: Художественная литература, 1979.

¹³³ В оригинале записано по-гречески: τῶν μικροκόσμων.

¹³⁴ Судя по всему, здесь Бруно имеет в виду, что рода могут располагаться на условной лестнице родов как слева и справа, так и вверху и внизу, например: «лошадь» (слева) — «человек» (справа) — объединяются в понятие «животного». Соответственно, сами понятия «лошадь» и «человек» могут выступать в качестве родов для других понятий.

Относительно срединных элементов, которые должны быть обозначены, пусть они устремляются к производящему такие по форме, которые могут обозначаться *L. R. и N.*

Для других же последующих, которые должны быть обозначены, есть те, что тебе даны в соответствии с теми [буквами], на которые могут оканчиваться [слова] в латинской, греческой, итальянской, испанской и галлийской речи: *B. P. M. L. R. S. N. C. T. G. D. F. A. E. I. Y. O. U.* Итак, пусть другие искусства предписывают одушевленным блуждать, а инструментам пребывать на месте, это [искусство], разумеется, больше нравится, чем применение противоположного ему.

В свою очередь, если тебе более привычны известные одушевленные субъекты, чем неодушевленные, как например, есть истинное по необходимости, что, спрашиваю, препятствует, чтобы многие неодушевленные (если только будут разделены по месту) этому одушевленному [субъекту] сообщали бы неодушевленные или же им, расположенным в том же порядке, выделяли бы другую область (*regio*)?

Так, прилагаемые благодаря практике весьма удобно смогут достичь различных областей (*clima*), в которые ты проникаешь, в большей степени для запоминания вещей, чем самих слов, [их обозначающих].

ДРУГОЙ СПОСОБ [ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ] ИСКУССТВА

Если [тебе] будет угодно приписывать одушевленным субъектам частые и постоянные действия, для удобства изложения вещей вообрази себе для них 100 приходящих инструментов, или следующих за ними, или сопровождающих, или движущих, или приводящих в беспорядок, или обращающих в другую сторону, или прибавляющихся, возможно, это сильно тебе поможет.

ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЕ И НАГЛЯДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, УЧАЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ НЕЧУВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЧЕРЕЗ НЕОБХОДИМЫЙ ОБРАЗ И ЧИСЛО ЧУВСТВЕННОГО

А ТАКЖЕ ДЛЯ ДРУГОГО НЕИЗМЕРИМОГО УСЕРДИЯ ОТКРЫВАЮЩЕЕ ШИРОЧАЙШУЮ ДОРОГУ, ЕСЛИ СМОЖЕТ БЫТЬ ПОСТИГНУТО ЕГО ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Она вопит одно, если созерцает золотисто-красный восход,
Как только лицо будет подставлено коням солнца.
В то же время не кричит тогда, когда смотрят поздно,
О высшая Феба¹³⁵! Покрой своих четвероногих.
Не такой издает звук, когда созерцает горящего всю ночь Волопаса,
Помогающего одному Ноланцу и днем, и ночью.
Не так Медведица скрывает от тебя находящийся напротив свет,
Когда обращается эта земля¹³⁶, плотная телом.
Тогда громогласно словами провозглашает различное пятерное,

¹³⁵ Сестра Феба, Аполлона, т. е. Диана.

¹³⁶ Имеется в виду ночью.

Не забывая себя, со столь же большим зверем¹³⁷ сидит.
А если ее голос достигнет пещеры среди скал,
Оттуда назад идет воздух, возвращая звук,
Или тебе в ответ звучит голос: или, если нужно для применения,
Возвращенные элементы вернут [тебе] обратно уже известный [голос].

FINIS.

Рис. 10

¹³⁷ Возможно, имеется в виду одно из созвездий.

De umbris idearum. “Ars memoriae”: “De adjectis”, “De organo”, “Tertia pars”

Giordano Bruno

Abstract: The article provides the first translation of Giordano Bruno’s (1548–1600) treatise “The Art of Memory” (“Ars memoriae”) into Russian, more precisely, the end of the second part (which includes two sections: “De adjectis” (“On the Adjectives”) and “De organo” (“On the Instrument”) and the third part (“Tertia pars”). The treatise “The Art of Memory” is a part of the treatise “De umbris idearum” (“On the Shadows of Ideas”). The work “On the Shadows of Ideas” and the beginning of “The Art of Memory” (section “On Subjects” (“De subjectis”)) have been published by us in this journal before. In our translation we tried to take into account our previous translator’s errors (for example, the word “subjectum” was previously incorrectly translated as “matter” (рус. «предмет»), now we translate it actually as “subject”). In the introductory article we tried to give our, still approximate, understanding of Bruno’s text. In short, we are dealing with a mnemonic treatise, based on some deeper philosophy (presented in the treatise “On the Shadows of Ideas”). The translation from Latin was made from the edition of Salvator Tugini, Berlin, 1868.

Keywords: Giordano Bruno, subject, adjective, mnemonics, method of loci, memory palace.

Перевод с латинского Титлина Льва Игоревича: titlus@gmail.com